

Рена

Жуманова

ЛЕЙТМОТИВ

Из невыдуманных рассказов

ЖЕНЩИНА В ОРАНЖЕВОМ

– Короче, бабы, как первую «Волгу» увидите, сигайте в кювет. И без разговоров.

Прораб Перепелица, передав распоряжение шефа, скрылся в вагончике.

– А не пошел бы ты... – бригадирша Шура сплюнула и с остервенением вонзила лопату в горячий асфальт. – Работаем, девчата, время – деньги.

Шура знала, что говорила. Пятнадцать самосвалов асфальта в день их передовая женская бригада из десяти крепко сбитых укладчиц раскидывала стабильно, как семечки. Каждый самосвал – от двух с половиной до четырех с половиной тонн. И платили им с выработки. Была материальная заинтересованность. Так что зевать и перекуривать некогда. Ямочный ремонт на выезде требовалось добить еще вчера. Но задержались смежники из ДЭУ-15, а сегодня, вишь, Кунаев должен приехать. Неуправка выходила, но бросать работу из-за приезда большого начальства тоже не след. Тут еще июльская жара допекала. Бабы частенько кидались к колонке, обливались, щедро мочили свои серые рабочие халаты. Со смехом возвращались и, перебрасываясь шуточками, продолжали свое горячее дело. Шура как-то слышала краем уха разговор Перепелицы с корреспондентом районки. Температура раскаленного асфальта, мол, сто пятьдесят три градуса. Тот еще съязвил: не для печати, товарищ прораб, но сорокаградусную-то для бодрости добавляете или нет? Мудак. Знал бы, что у каждой из «женщин в оранжевом» одна лишь мысль: в обед добежать до дома и свалиться на пол, отлежаться, остыть. И кусок-то не лез в горло, не говоря о водке.

Шум техники, густая гудронозная вонь, чад, жарница. Шура иногда думала, что так жарко и дымно, наверное, должно быть в аду. Представляла себе закопченные гигантские сковородки и черных, как их мастер Кайнарбаев, чертей с белоснежными ухмылками...

Появление начальства осталось незамеченным. Черная блестящая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась перед Шуриной бригадой. Областное руководство ехало первым, предваряя правительственный кортеж.

– Безобразие. Почему до сих пор не убрали людей с проезжей части?

Вопрос солидного мужчины в темно-серой твидовой «тройке» с красной капелькой партийного значка на лацкане повис в воздухе. Перепелица, видимо, как всегда, резался в карты в своем вагончике. Отвечать было некому. Шура разогнула мокрую спину и разразилась длинной непечатной фразой.

– Да что вы себе... – номенклатурщик осекся. – Шура?!

Она утерла потное лицо полой халата и взгляделась. В голове гудело. Перед глазами мельтешили белые мушки. И вдруг в памяти ясно нарисовался выпускной вечер в их школе. Двадцать два года назад. Эмиль, симпатичный активист-отличник, весь год бросавший на статную и развитую не по летам Шуру страстные взгляды, смущенно пригласил ее танцевать. А потом они с еще двумя парочками уединились в классе, и кто-то достал бутылку коньяка. Шура впервые выпила и «поплыла». Очухалась на рассвете в беседке на пришкольном участке. Голова раскалывалась. Мутило. Эмиль похрапывал рядом, они лежали на его пиджаке. Шура с ужасом думала, что теперь будет. Привела себя в порядок, напялила босоножки и поплелась домой. Родители ничего не заметили. А что утром пришла – ну так выпускной ведь, все понятно. Шура подала документы в пединститут. А на вступительных вдруг упала в обморок. Очнувшись в медпункте, услышала слово «беременность» и заплакала. Дальше всё было как во сне. Тягостном, тягучем и жирно-липком, как руки Перепелицы. В институт она не поступила. Сделала аборт. Пошла разнорабочей в «Зеленстрой», но потом узнала о более денежной работе в дорожном строительстве, стала асфальтоукладчицей. Жизнь тяжеловато катилась вперед, словно медлительный и неотвратимый коток. Шура вышла замуж за механика местного приборостроительного завода. Детей у них с мужем не было. Шура догадывалась, почему. А муж постепенно стал злым и безразличным. Гулял на стороне. Попивал. В пьяном виде помахивал кулаками. Она как-то слегка двинула его в ответ. Он упал, стукнулся головой. Шура испугалась и старалась впредь его не провоцировать.

– Сколько зим – сколько лет... – Раздобревший и заматеревший Эмиль натянуто улыбался. – Как жизнь? Семья, дети?

Она рассеянно посмотрела в его холеное сытое лицо.

– Слушай, сегодня Ноль Первый приезжает, мне некогда. А завтра давай вечером в «Огнях» посидим? Вспомним молодость, то-сё...

Шура кивнула.

– А пока убери свою бригаду, пожалуйста.

Он одарил ее обаятельной улыбкой, сел в «Волгу», и машина покатила в город.

Назавтра, убежав пораньше с работы, остыв и помывшись, Шура нарядилась во всё самое лучшее и отправилась на встречу. Мужу сказала: день рождения у Марины, новенькой в их бригаде. Прописка, так сказать. Эмиль был в условленном месте, ждал на входе. Темно-синий скромный костюм, коричневые блестящие туфли. Кожа на них мелкими такими квадратиками. Сделав заказ, начал рассказывать о себе. Окончил технический вуз, был комсомольским секретарем в институте. Вступил в партию. Стал двигаться вверх. Теперь он Второй секретарь обкома партии. Жена-юрист, дочка-студентка. Шура слушала, ела, пила незнакомое вино. Немногословно поведала и свою историю. Тоже, мол, не бедствуем. Бригада передовая. Путевками премируют. Была в Сочи, в Болгарии, в Польше. В горсовет выдвинули. Детей вот, правда, бог не дал. Хм. «А я тебя вспоминал. Первая любовь, как-никак».

Подали десерт. Смакуя мороженое, Шура вдруг попросила отвезти ее к месту работы. Забыла, говорит, важную вещь. Эмиль вызвал такси. На окраине, где всё никак не заканчивался постылый ямочный ремонт, было по-вечернему тихо и свежо. Шура вдохнула полной грудью. «Давай пройдемся? Хорошо-то как, прохладно...». Эмиль, пожав плечами, пошел за ней. «Счетчик ведь тикает, ребята», – таксист беспокойно ерзал и озирался. Эмиль расплатился и отправил такси восвояси. Неподалеку придорожная гостиница, если что. Подошли к закрытому вагончику. Рядом стояли инструменты. Шура выхватила свою любимую совковую лопату из общей кучи. Эмиль нахмурился. Она несильно замахнулась и ударила его по голове. Эмиль рухнул. Шура потрогала его носком босоножки. Из-под затылка Второго секретаря потекла черная струйка. Шура сняла с Эмиля туфли. Размер, вроде, мужнин. И совсем новые. Она вытащила из сумочки перчатки и врубила каток.

На суде Шура сказала, что всегда любила детей. Хотела быть учительницей и мамой. И что тюрьма ей не страшна. И ад с его пеклом тоже. «Ада нет, гражданка Пирожкова», – сердито одернул ее судья. Шура засмеялась и принародно послала его на хер.

ДАЧНИКИ

– Тебе, конечно, трудно понять, что вот этот избитый книжный образ – «ходить по первопутку в школу» – вполне может быть реальностью, – уголки его губ скорбно опустились, но лицо оставалось бесстрастным.

– А вокруг воют волки, – иронически подхватывала Дина, – у-уу-ууу! Бедный мой мальчик, как же тебе досталось... Ладно, давай спать, – чмокнув мужа в щеку, она с наслаждением завернулась в одеяло и закрыла глаза.

Обычно на Андрея «накатывало» после секса. Кто-то в такие минуты тянется к сигарете, а он начинал вспоминать. Дина порой засыпала, не дослушав, а он еще долго лежал, уставившись в темноту, не в силах выпутаться из паутины прошлого... Пятый-шестой класс. Его малокомплектную школу по каким-то причинам закрыли в тот период, и немногочисленным разновозрастным детям их села пришлось учиться в городе, в пятнадцати километрах от дома. Андрейка выходил затемно, шел на трассу, максимально сокращая дистанцию, и где-нибудь по дороге его подбирала попутка... Не было раньше ни маньяков, ни педофилов. Или просто судьба милосердно хранила от подобных встреч?..

– И не забудь закрыть всё как следует, а ключи завезти маме.

Как всегда, интонации жены отдавали четкими преподавательскими нотками. Андрей бросил свое дежурно-шутливое «о да, мой господин» и дал отбой. Придется заглянуть на дачу в обеденное время. Проверить, не было ли нежеланных гостей. Накануне теще позвонила расстроенная баба Галя с соседнего участка и плачущим голосом поведала, что их садовый домик недавно раскурочили. Брать там было нечего, но замок теперь придется менять, а дверь чинить.

Дачный массив располагался от окраины их областного центра минутах в двадцати неспешной езды. Формально домики сдавались под охрану, но толку от этого было мало: за зиму бомжи ухитрились основательно полазить всюду, где

участки не были заброшены. Искали спиртное, металл или место для перекапывания. Поэтому печку-буржуйку тесть каждую осень вынужденно демонтировал, дабы не привлекать внимания бездомных. Навесной замок на калитке был цел. Быстро проверив замки входной двери дома, летней кухни, сарайчика и контейнера, обойдя кругом и не заметив каких-либо следов вторжения, Андрей сделал контрольное фото заснеженного участка – для отчета изнывающим от зимнего бездействия родителям Дины. Как и многие пенсионеры, они каждое лето, с мая по октябрь, проводили на любимой даче, лишь изредка наведываясь в город. Зиму коротали за сериалами, книгами и разгадыванием кроссвордов.

Морозно сегодня. Градусов двадцать пять. Выворачивая на центральную асфальтированную улицу их кооператива, Андрей заметил женский силуэт на обочине, метрах в тридцати от поворота. Короткий пуховик, джинсы, небольшая сумка через плечо. Подбегав вплотную, увидел, что у молодой женщины в сумке-«кенгуру» спит младенец в зимнем комбинезончике. Она не голосовала, просто шла, размеренно печатая шаг.

– Садитесь.

Притормозив, Андрей распахнул правую дверцу. Она, кивнув, села.

– Спасибо Вам... На трассе кто-нибудь бы подобрал, конечно, но до нее еще дотащиться надо... – голос молодой женщины дрогнул. – Живем мы тут, – пояснила она, перехватив немой вопрос во взгляде Андрея. – Снимать квартиру в городе нам не по карману, вот и сделали первый взнос, осенью заселились. – Поёрзав, она устроилась поудобнее. – Старший сын в третьем классе учится. Хорошо, что есть специальный автобус. Собирает их по дачам утром. Многие ведь на дачах обосновались, с тех пор как тут стали прописывать. Вот и мы...

Она помолчала, шмыгнув носом, машинально поправила шапочку спящему ребенку. Видно было, что ей хотелось поговорить. Так бывает в поездках, где первому встречному можно без последствий выложить чуть ли не всю свою подноготную.

– Мужа недавно сократили, он менеджером работал в «Перекрестке», а их сеть позакрывали... Пока в поиске. Трудно с работой...

– Да, слышал о «Перекрестке»... Непонятная история.

– Так-то нормально всё, более или менее, – продолжала попутчица, – холодно только. У нас есть маленькая печка, топим углем. Покупаем мешками. Но полностью дом не протапливается. Он большой, в двух уровнях. Спинка дивана в сильные морозы примерзла к стене, можете себе представить? Младший наш несколько раз переболел за зиму. Но мы утеплиться хотим, главное до лета дожить, а сейчас ведь есть разные материалы, можно подобрать что-то доступное.

– А вода? Где же вы воду берете?

– Рядом колонка, таскаем ведрами. Как-то был период отключения. Возили из города баклажками.

«Возили...». Значит, машина есть? А как они поступают в моменты перебоев с электричеством? Вопросов, которые хотелось обрушить на случайную попутчицу, в голове вертелось множество. Но Андрею было неловко проявлять чрезмерное любопытство, и он терпеливо слушал, иногда бросая на женщину короткие изучающие взгляды. Простое спокойное лицо. Ровный голос. Никакого внешнего надрыва или отчаянья. Какая-то смесь смирения и бесконечной усталости. Зачем покупать уголь мешками? Это же невыгодно. Выросший в пригороде

Андрей хорошо знал подробности деревенского быта. И тем более ценил свою нынешнюю жизнь. Ребенок, которому на вид можно было дать полгода, на коленях у попутчицы сонно завозился и кашлянул.

– Неужели хотя бы на зиму нельзя было снять квартиру? Ради детей?

Андрей с состраданием взглянул ей в глаза.

– Дорого, не тянем, – невесело качнула головой и замолчала, уставившись в окно.

...К городу подъезжали в тишине, нарушаемой лишь мерным гудением мотора. По просьбе женщины остановились у платной клиники. В открывшуюся дверцу «Шеви-Нивы» ворвался колючий февральский воздух. Андрей поежился. Морозно сегодня. Градусов двадцать пять.

ОШИБКА ПАМЯТИ

Моему отцу, Кылышу Каирбековичу Жуманову, посвящается.

Найзабек-ата отложил в сторону газету и задумался. Что-то нужно было делать. Куда-то идти, кому-то звонить. Только вот кому? Господу богу? Найзабек не верил в бога. И презирал лицемеров-перевертышей, вчерашних партократов, которые ныне хлынули в мечети, хвастали совершённым паломничеством, горделиво приклеивая к своим именам приставку «кажы»¹.

– Что скажешь? – Еркеш, прищурившись, сверлил его взглядом. – Противно? Нет?

Друг детства и дальний родственник Еркеш, собственно, и приволок сюда эту мерзкую газетенку. Специально приехал в город. А теперь с каким-то прямо-таки научно-исследовательским интересом наблюдал за реакцией оглушенного новостью Найзабека.

– Дело-то сделано. Что мы можем? Написать опровержение? Поехать, поговорить с автором статьи? Будет ли от этого толк?

– Ну да, она отбрешется, что писала со слов уважаемых людей. Внучка там его высказывается, заведующая районо. «Славный путь!», атанның басы?²...

Еркеш в ярости чуть не сплюнул на новенький ковер и, спохватившись, утерся большим носовым платком.

– Где же она, эта Разия, была, когда ее дед-алкаш под забором валялся? Что-то они все скромно промолчали о том, как закончился его «славный путь».

Найзабек вдруг охнул. Слева в груди закололо. Рука привычно потянулась за корвалолом. Скоро девятый десяток пойдет, и верный моторчик начинает сдавать. Хотя в целом на здоровье он не жаловался. Слух вот только подводит. Сказываются десятилетия дорожных работ среди шума и скрежета. Да, молодцы они, потомки этого мерзавца. Дождались, пока все свидетели перемерут или одряхлеют окончательно, и быстренько обтяпали свое гнусное дельце. Главное, как тихо всё провернули! Ведь, когда он три месяца назад был на поминках в родном Октябрьском, никто и не заикался о грядущих событиях. А теперь что? После драки, говорят, кулаками не машут.

¹ Кажы – человек, совершивший паломничество (хадж) в Мекку.

² Популярное ругательство.

Еркеш теребил в сильных ладонях старенький портсигар, постукивая по крышечке папироской. То и дело вставлял мундштук в губы, перегонял из одного уголка рта в другой. Были бы сейчас у него в Теренколе, вышли б на крыльцо. В сельском доме, каком-никаком, человек чувствует себя хозяином. А в городской квартире – как в золоченой клетке. Чисто, красиво, навозом со двора не несёт, но разве это жизнь? Он с сожалением смотрел на понуро опущенные плечи друга. Пошевелил ноздрями, морща нос от назойливых лекарственных ароматов. Огляделся. Монотонно бубнил что-то с плоского экрана диктор новостей по «Хабару». За стеной в кухне ритмично пропищала и щелкнула дверцей микроволновка.

– А байбише³ свою где прячешь? На даче?

– Пока шевелимся потихоньку, лето там проводим. Жаль, не построил я нам добротного дома. Брату помогал, племянникам. А для себя только дачный домик и осилил... Я-то тоже на денек всего приехал, есть кой-какие делишки в городе. Вентиль новый надо прикупить для бака, и шланги уже прохудились. И видишь, как удачно встретились. – Найзабек криво усмехнулся. – Да уж, суюнши⁴ с меня за «радостную весть» причитается, Ереке...

– Эти, внуки-то его, школе компьютер подарили, я слышал. И ноутбук еще!

Гость будто горячим буравчиком продолжал расковыривать только что нанесенную им рану. Старался говорить погромче, помня о том, что друг недослышит.

– Задобрили, значит?! Умаслили?

Найзабеку не сиделось на месте, он вскочил с дивана и нервно задвигался из угла в угол, меряя комнату большими шагами. Внезапно замер перед портретом отца и закрипел зубами. Молодой Каиржан Бейсенов с красноармейским значком на гимнастерке бесстрастно взирал на убеленного сединами сына.

– Давай съездим в райцентр, с редактором побеседуем? – Еркеш суетливо за-талкивал портсигар в тесноватый нагрудный карман. – Хорошо бы нам письмо написать да подписи хоть какие-то собрать.

– Чьи подписи?! Ты видел их всех? Кульпаш, алжыган кемпір?⁵ Мейрамбек полупарализованный? Кто еще? Я, старый глухмень, да ты, старичок-бодрячок, Канбак-шал⁶ из Теренколя?

Найзабек, когда хотел, мог быть весьма язвительным. Не зря, видно, «копём» нарекли его родители⁷. Подразумевалось, конечно, иное: суеверные казахи ис-стари давали детям подобные имена, дабы отпугнуть смерть. «Сабля», «Меч», «Кинжал», «Топор»... Разящее копыё своего острого языка худенький и невысокий Найзабек применял редко, но метко. По врожденной интеллигентности предпочитал он отмалчиваться, понапрасну никого не задевал. Всесторонне подкованный механизатор с техникумовским дипломом. Получше иных спецов с корочкой высшего образования разбирался в казахской литературе, истории. Любил на досуге померковать над собственными заметками в блокноте, собирал газетные и журнальные вырезки, регулярно прикупал новые книги и полжизни выписывал «Қазақ әдебиеті». Быть бы ему ученым-архивистом, преподавателем или журналистом, да только не у всех судьба складывается легко и логично, как простенький пазл. Его собственная жизнь представлялась ему чем-то вроде не

³ Байбише (каз.) – старшая жена (устар.), здесь – с юмористическим оттенком.

⁴ Суюнши – вознаграждение за радостную весть.

⁵ Вжившая из ума старуха (каз.).

⁶ Канбак-шал – старик Перекати-поле, персонаж народной сказки.

⁷ Найза (каз.) – копыё, пика.

очень умело сработанного курак-корпе – лоскутного одеяла из бросовых остатков, обрезков и кусочков.

С нескрываемой досадой он покосился на друга. Статный, чертяка, несмотря на годы, и куртка в широченных плечах чуть не лопаются, а проку от этой внешней мощи никакого. Кто к ним, старым и безвластным, прислушается? Кого этот деревенский пенсионер намерен призвать к совести?

Еркеш обиженно сопел. Он любил свой Теренколь. Уютный поселок на берегу окруженного горами зеленоватого озера с естественным песчаным пляжем. Их с Найзабеком родной Октябрьский тоже живописное село, ничего не скажешь. Смешанный лес под боком, знаменитые грибные и ягодные места – лакомая приманка для горожан. Только озеро там далековато от аула. Соленое-пресоленное, исцеляющее своей водой любые хвори.

– Слушай, тебя самого-то не затошнило, когда ты впервые читал это?

Найзабек брезгливо кивнул на злополучный номер «Зари» и подцепил его двумя пальцами.

– Нет, у меня, знаешь, полголовы как будто заморозили. Хорошо, я хоть курю. Да и выпиваю. А ты вот праведник... Тебе еще хуже.

– «Из года в год, преодолевая трудности, Мыржыкпай Мылжынбаев при поддержке ваших дедов и прадедов выводил колхоз Октябрьский в ряд экономически крепких хозяйств района...»

Найзабек картинно закашлялся и поправил съехавшие на нос очки. В комнату заглянула внучка, Адия. Бросила на деда вопросительный взгляд. Найзабек успокоительно помахал ей.

– Сделай нам чай, айналайын⁸. Что-то в горле пересохло.

– А как тебе фраза о школе? – Еркеш вырвал газетку из рук Найзабека, одновременно вытаскивая из кармана куртки лупу. – Где это? А, вот. «Именно первый председатель добился, чтобы в Октябрьском открыли школу – начальную, а потом семилетнюю и среднюю...». Здорово, да? Мозги у меня кипят, аппетита нет уже несколько дней. Ну как так-то?! Всё с ног на голову! Он же сам письма писал, убеждал начальство в том, что не нуждается его колхоз в средней школе! Учителей прижучивал! На кой они ему сдались, грамотей? Да и работягами легче управлять, когда они едва писать-считать умеют. Не мог я не приехать, ты же понимаешь... Как подумаю про Байгожу, кожа на голове шевелиться начинает.

Еркеш заморгал набрякшими веками, опять полез за платком.

– Смалодушничал я тогда, не вступился. Их ведь трое было, все взрослые мужики...

Шумно высморкался, вздохнул. Воспоминание засвербело внутри незажившей царапиной. Среди мугалимов их аульной начальной школы Байгожа Серикбаев выделялся белой вороной. С высшим педагогическим образованием, приехал из Акмолинска по направлению. Ребятня за ним по пятам бегала, да и взрослые аульчане сразу зауважали молодого учителя. За советом к нему шли, с просьбами и сложными вопросами. Председателю он не понравился с первого взгляда. И когда стало ясно, что Мыржыкпай на фоне башковитого и речистого Байгожи смотрится паршивой дворняжкой, стал председатель нехорошо и тяжело задумываться. Дело было в конце пятидесятых. Еркешу недавно исполнилось восемнадцать. Летними сумерками однажды возвращался он домой, вдруг уловив неподалеку от школы шум уличной

⁸ Айналайын (каз.) – ласковое обращение.

заварушки. Подкрался к забору, притаился, выглядывая из-за раскидистого тополя. Три размытых силуэта в палисаднике и Байгожа между ними. Тупые звуки наносимых ударов. Вскрики. Грязная ругань. Еркеш похолодел, узнав верных дружков и собутельников председателя. Вжал голову в плечи и побрел прочь, не оглядываясь.

Как и многие местные пареньки, чьи отцы не вернулись с фронта, Еркеш остро ощущал собственную уязвимость. Уверенности в себе таким полусиротам, увы, не прибавляли ни рост, ни физическая сила.

Вскоре Байгожа уехал. Говорили, что получил выгодное предложение в городе. А Еркеш никому, кроме Найзабека, о том случае не рассказывал. Найзабек, тогда уже круглый сирота, учился в техникуме, в райцентре. Пути старых друзей разошлись, и встречались они с тех пор нечасто. Еркеш несколько раз менял место жительства, стал связистом, работал то там, то сям, окопавшись в конце концов в Теренколе. В Кокшетау они с женой так и не перебрались. И район свой не покинули. До Октябрьского рукой подать. Потому-то он и был в курсе новостей, что по старой привычке выписывал районку с безыскусно-советским названием «Заря». Строй сменился четверть века назад, и страны той уже нет, но газету не переименовали. Да и стиль оставался примерно тем же. Вообще, в глубинке всё меняется гораздо медленнее, чем в больших городах. Но громкие новости и там иногда случаются.

– А Лейлу, Лейлу Мирзоеву помнишь? Как он к ней клинья-то подбивал, – Еркеш улыбнулся, прокуренным пальцем подправив усы. – И так, и эдак крутился, пёс шелудивый, слюни распустил. Даже развестись со своей верной Перизат собирался. Да кишка была тонка, не по зубам ему оказалась ингушская красавица. И замуж бы за него Лейлу не отдали, и так просто попользоваться было нельзя. Братья Мирзоевы разобрались бы с обидчиком по-своему. Это тебе не наши смиренные казахи.

Найзабек зажмурился и затряс головой... Ненависть, подзабытая и приглашенная годами, вновь заполохала в сердце. Кобель этот, Мылжынбаев, всегда вольготно себя чувствовал, до предела раззадорившись в годы войны, когда почти все мужское население Октябрьского было мобилизовано. Некоторые аульчанки выносили под сердцем нежеланных детей, зачатых от председателя. Если бог прибирал новорожденных, считали это подарком свыше. Со страхом и надеждой ждали мужей, а уже овдовевшие солдатки из председательского «гарема» не просыхали от бессильных слёз...

Отца Найзабека призвали осенью сорок первого. В сорок третьем пришла похоронка. Младший брат Каиржана, Ораз-ага, ушел на фронт в тот же год. Живым с войны вернулся лишь средний из трех братьев Бейсеновых, везунчик Амре. Найзабек всю жизнь любил его, как никого другого. Это был зов крови. Но в душе не затихала обида на судьбу. За отца и дядьку Ораза. И за мать. Труженица она была, из сил выбивалась, чтоб сыновей на ноги поставить. Лет на десять только пережила своего Каиржана. Найзабек недавно разыскал в областном архиве старый номер «Зари» с фотографией матери. Помнил с детства, что была у них дома такая вырезка из газеты за сорок восьмой, кажется, год. Мать тогда вышла в передовички. Фотокорреспондент-еврей долго крутился вокруг сакманщицы⁹ Бейсеновой, выбирая ракурс. Пегий ягненок на руках матери извивался, стремясь избежать популярности. Майра смущенно улыбалась. Такой вот, со своей тихой застенчивой улыбкой, она и запечатлелась на этом давнем фото. И в памяти Найзабека. Он с содроганием вспоминает тот поздний вечер, когда председатель

⁹ Сакманщица – работница, ухаживающая за ягнятами.

вдруг собственной персоной нагрнулся в дом Бейсеновых. Он был уже изрядно выпивши. «Давай-ка отметим твой успех». Вынул из кармана задрипанного пиджачка полбутылки самогона, развалился за низеньким круглым столиком на промасленных подушках. Найзабек с братишкой Нурымом, завернувшись в одеяла, притворялись спящими. Багровея в тусклом свете керосинки расплывшимся лицом с отвисшими жирными губами, распалённый Мыржыкпай начал лапать их мать. Она слабо отбивалась, боясь потревожить детей. Найзабек вскочил, как ужаленный, замахнулся на председателя опустошенной бутылью. «Өлтірем, онбаған!»¹⁰ – его истошный вопль и бешеный взгляд отрезвили Мыржыкпая.

– Ну, щенок, еще пожалеешь.

Председатель грузно поднялся, покачиваясь. Выматерился, пинком распахнул хлипкую дверь и, сопровождаемый залиvistым лаем их пса Каракулака, поковылял восвояси.

Найзабек дрожал, как в припадке. Нурым слабо поскуливал. Мать, закрыв лицо, тряслась в беззвучном плаче.

Это был лишь небольшой эпизод из далекого прошлого. Один из тех, что порой вспышкой загорались в мозгу, и тогда старик Бейсенов лишался сна. Майре вскоре повезло, встретился хороший человек. И из категории совсем беззащитных овдовевших жертв далекой войны она опять перешла в статус замужней хозяйки семейного очага. Мыржыкпай к ней больше не приставал. Баб, что ли, мало. Любая скотница примет с радостью, когда ему захочется. Еще и за честь сочтет. Да и, по правде говоря, с годами похоть перестала терзать его так остро. Жена, слабая здоровьем, измученная своими какими-то женскими болячками, и по молодости-то смотрела на его похождения сквозь пальцы. Пусть бы к ней не лез лишний раз. И теперь, видя, что он обзавелся новой страстью, Перизат так же равнодушно махала рукой. Черт с ним. Что там он ставил на кон, шлепая сальными картами по зеленому сукну рабочего стола в своей председательской избушке, ее особо не волновало. А ставки, на самом деле, бывали нешуточные. После одной такой игры, когда в гостях у них был хозяин соседнего совхоза, проигравшийся в пух и прах Мыржыкпай впотьмах повел счастливчика-партнера на скотный двор. Единственного в хозяйстве одnogорбого верблюда потом списали по документам, оформили как падеж от неизвестной болезни. И ничего, никто не подкопался. Всегда умел Мыржыкпай с начальством ладить, умел вовремя остановиться в попойках своих, да и подчиненных держал в кулаке. В прямом смысле. Если что было не по нём, волосатый жирный кулак председателя щедро раздавал сокрушительные зуботычины. Мыржыкпай терпеть не мог шибко умных. Этот дохляк, Ораз Бейсенов, много возникал на аульных сходках. Всё что-то свое проталкивал, спорил, выскочка. Кашляет, бейшара¹¹, а туда же. Среднюю школу, говорит, пора открывать в Октябрьском. Не одобрили бы ни Ленин, ни Алтынсарин, мол, ее отсутствия в таком большом ауле с таким красивым названием. И где теперь он, тот Ораз? Ирма, заведующая медпунктом, не моргнув, вынесла свое заключение. Здоров товарищ Бейсенов и к строевой службе пригоден. Мыржыкпай ей и не угрожал вовсе. Так, вызвал к себе, побеседовал, напомнил о том, что депортированных немцев недавно опять шерстили в области. Да и то сказать, война в разгаре, а тут, понимаешь, этот всезнайка будет отсиживаться среди баб и детишек, мутить воду ненужными своими разговорами.

¹⁰ «Убью, сволочь!» (каз.)

¹¹ Бедолага (каз.).

– Аташка, ты что-то сам на себя не похож, – Адия тихонько дотронулась до руки деда.

Найзабек вздрогнул. Огляделся, будто страхивая с себя наваждение.

– А Еркеш где?

Журнальный столик с двумя кесюшками¹², вазочка с вареньем, румяные баурсаки указывали на недавнее чаепитие. На подлокотнике кресла белел позабытый другом платок.

– Велел тебя не беспокоить. А газету свою оставил. «Навечно в памяти потомков» – из-за этой статейки вы так тут раскричались?

– Эх-хе-хе... – Найзабек вздохнул и закатал рукав рубашки. – Помнишь, ты интересовалась, что здесь за шрамы у меня? Это вот он, герой энциклопедии Чебачинского района, так развлекался. Папиросы тушил об мою руку. Хотел, чтоб я прощения у него попросил. За ту ночь, когда я, девятилетний пацан, не дал в обиду свою мать. Он долго на мне отыгрывался. На непосильные работы определял каждое лето, из колхоза не отпускал, справку не выписывал. И Еркеш тоже поплатился за дружбу со мной. Правый глаз у него до сих пор подергивается – заметила? И видит он им плоховато. Этот упырь чуть не лишил его зрения.

Адия мягкими движениями поглаживала деда по худой, чуть согнутой спине.

– Ата, я тебе сейчас кое-что скажу. Ты только не волнуйся. Пока ты спал, я залезла на сайт «Зари». В общем, школа в Октябрьском сгорела. Дотла. Обстоятельства выясняются. Редакция выражает сожаление. Скорбит. Единственная и старейшая школа аула. Плюс мемориальная доска, совсем недавно и с такой помпой установленная.

Старик рассеянно кивал, слушая внучку. Но упорно думал о своем. У Мыржыкпая много потомков. Кое-кто выбился в начальнички. И они сделают всё, чтобы сфабрикованная ими светлая память об этой собаке, сдохнувшей под чужим забором, не была потревожена ничемными воспоминаниями двух восьмидесятилетних старцев. Да, жизнь несправедлива. Он привык к этому и смирился. И много рассуждал – с того момента, как вышел на пенсию и перестал вариться в каждодневной рабочей круговерти. «Мертвых сон не тревожь ты...». Адиюшка, образованная такая, начитанная, так и шпарит цитатами. И красивая. А замуж не выходит. Не везёт ей. Нет достойных. Одни козлы на ее пути – почему так, за что? Очень она добрая, заботливая, спокойная. Но ведь не железная. Недавно слушала что-то страшное в своей комнате. На всю громкость, видать, включила. Так, что и Найзабеку с его «возрастными изменениями слуха» стало не по себе. «Дон-Жуан» Моцарта, оказывается. Сцена на кладбище. «Пусть прошлое хоронит своих мертвецов», – говорит Адия. Тоже, наверное, кто-то из великих сказал. Может, оно и правильно.

* * *

Из личного блога Адии Бейсеновой.

«Жил когда-то некий председатель колхоза О. Грубый, недалекий. Тупая злая машина. Бил подопечных. Издевался над сиротами, над слабыми и беззащитными. Проиграл в карты колхозного верблюда. И это в те весёленькие годы, когда за пару колосков с колхозного поля иные получали по «десятке». Избавлялся по мере сил и возможностей от неугодных (тех, кто были грамотней его и могли составить

¹² Уменьшительное от «кесе» (каз.) – пиала.

конкуренцию). И вот проходит время. Его уже нет. Как и нет большинства тех, над кем он вдоволь покуражился когда-то. Зато живы и бодры его потомки. В чьи головы приходит, в общем-то, далеко не оригинальная для нашего народа мысль. Увековечить своего предка. И вот они ваяют его ОБРАЗ. Честного, прекраснородного, грамотного, неподкупного трудяги, благодаря которому колхоз О. вышел в передовые. Они легко договариваются с руководством местной школы о присвоении ей имени их Великого Пращура. Дарят школе ноутбук и планшет. И вешают мемориальную доску. Приглашают журналистку районной газеты и красочно рассказывают ей свою версию славного пути предка. Называют «соратниками» предка тех, кто по возрасту никак не мог ими быть. Материал идет на первую полосу «районки». Вот вам и история нашего края. Так рождаются легенды. Такая вот «ошибка памяти». Есть несколько тихих скромных аксакалов, которые могли бы порассказать кое-что очень некрасивое и правдивое об этом «деятеле». Но им под восемьдесят, живут они давным-давно за пределами родного колхоза О. Узнали о сотворенном там кумире случайно. И собственный покой им дороже истины. Так бывает. А мне этот сюжет подарили на будущее. Жаль двоюродного прадедушку Ораза. У него тоже могли быть дети и внуки. Если бы эта увековеченная сволочь не отправила его, негодного по здоровью, на фронт. На верную гибель».

ШАЛЬ

– Ну, чурек копченый, гони свой чулок. Да не жидись, ты себе еще наторгнешь.

Конопатая рука резко тряхнула щелкнувшей «финкой» перед носом Диара. В мужском туалете «Казанского», как назло, кроме них двоих, не было ни души.

– Сичас, сичас, – Диар покорно нагнулся, вытягивая что-то из сапога.

«Финка», холодной сталью пощекотавшая его подбородок, упала на затоптанный пол. Конопатый покачивался, держась за бок и хватая ртом воздух. Диар опрометью кинулся вон из туалета...

Спустя несколько минут Диар сидел рядом с Гулим-апай в зале ожидания. Его безусое загорелое лицо было перекошено страхом. Губы тряслись, когда он сбивчиво рассказывал тётке о событиях пятиминутной давности. Женщина внимательно осмотрелась, стараясь не поворачивать голову.

...Гулим была из казанских татарок. Вот уже четверть века жила она вдали от родины, в Ташкентской области, в «местах компактного расселения» казахов. Чужой она себя здесь не ощущала. В ауле Каракши муж ее был одним из самых уважаемых людей. В далекие тридцатые столкнула их судьба. Тогда сын переселенцев из казахских степей, молодой имам Батырбек приезжал в Казань на подпольный съезд служителей ислама. Ему приглянулась статная светлолицая Гулим, и она ответила обходительному и образованному мулле взаимностью. Многое пришлось пережить им вместе. Смерти детей, притеснения властей, войну, с которой далеко не все мужчины-каракшинцы вернулись невредимыми, послевоенную разруху. Теперь, когда жизнь большой страны налаживалась, Гулим-апай захотела проведать свою казанскую родню. Кому-то надо было стать ее спутником в этой поездке. Правоверные мусульмане не отпускают своих женщин

в дальнюю дорогу без провожатого. Рядом непременно должен быть мужчина. Родственник. В идеале – муж. Но Батырбек-молда вырваться в тот момент из своей служебной рутины никак не мог. Решено было отправить с Гулим-апай племянника, восемнадцатилетнего Диара.

– Мальчишка он совсем еще, что с него проку?

Гулим-апай покачивала головой, слушая доводы мужа. Однако выбора не было. Опасностей в дальнем пути хватает, одна пересадка в Москве чего стоит.

– Деньги пусть будут у Диара. Как бы там ни было, он мужчина.

Батырбек-молда задумчиво поглаживал аккуратную бородку. «Сидела бы ты дома, – говорили его глаза. – И мне спокойней, и расходов меньше». Бывала она с мужем и в Бухаре, и в Самарканде, всей душой полюбила эту щедрую землю под жарким южным солнцем. Но, увозя юную Гулим из ее родного города, Батырбек уже тогда понимал, что рано или поздно затоскует жена. И никогда не уйдут из ее снов ни светлые стены казанского кремля, ни величественный полноводный Итиль.

Диар едва не запрыгал от радости, узнав о предстоящей поездке. Еще бы! Все его друзья-ровесники перебрались в город, кто-то учился в техникумах и вузах, кто-то писал длинные письма из армии. Его, младшего в семье, немолодые родители оставили при себе. Дальше Ташкента он из Каракши не выбирался. А тут – настоящее путешествие...

По старой их местной привычке любой каракшинский парнишка носил при себе небольшой кинжалообразный ножичек. Персик разрезать, грушу или дыню – далеко ходить не надо, «орудие» всегда под рукой. Собираясь в путь, Диар машинально сунул ножик за правое голенище. А в левом сапоге, в плотном матерчатом узелке, были деньги. Немалые, по тем временам. Чтоб и на дорогу хватило, и в гостях не чувствовать себя стесненными. Никогда б не подумал племянник аульного муллы, что придется ему обогреть руки чьей-то кровью. Но рассуждать было некогда.

– Корыкпа, балам. Не бойся.

Женщина вытащила из баула широкую темно-зеленую шаль и набросила ее на голову Диара. Юноша натянул концы платка на колени, прислонился щекой к плечу тетушки и закрыл глаза. Рассредоточившись, между рядами сидений медленно продвигались три типа, чем-то неуловимо похожих друг на друга. Они хмуро вглядывались в лица, обходя баулы и мешки. Гулим-апай перебирала четки и тихо бормотала слова молитвы. Скользя равнодушным взглядом по двум женским фигурам, один из дружков конопатого прошел мимо...

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ НЕПРИКАЯННЫХ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ПОЛКОВНИКЕ

Почему-то в юности была уверенность: мозаика сложится сама собой. Всё будет как надо. Как у ее родителей. Как в любимых фильмах и книжках. Ан нет. Не получалось. Жизнь, такая, в общем, вполне хорошая и ровная, тихой сапой переваливала на четвертый десяток. А Германа все не было. Словно нить судьбы, где-то зацепившись, запуталась сама в себе и намертво затянулась калмыцким узлом.

– Вечно юный старик-мечтатель? Всё в голубую даль смотришь? – иронизировала Лариска, тоже врач-невролог с приличным стажем. – Анекдот слышала? Каждая девушка ждет принца на белом коне, но только казахская девушка ждет принца на белом и *вкусном* коне.

Лариска разразилась сардоническим смехом. Она сама уже ничего не ждала. Легко вступала в кратковременные романчики. В очередной раз избавившись от нежелательных последствий, подолгу не рефлектировала. И вообще считала, что в современном мире женщине нужно полагаться только на себя. И жить – для себя. Пыталась растормошить подругу. Зазывала в клубы «для тех, кому за...». Соблазняла дешевыми горящими турами на двоих. Асель отнекивалась, стараясь не обидеть. Хватит с нее неудачных попыток. Одной спокойнее. Не на помойке же она себя нашла, в самом деле. И пошли они все. Жалкие компромиссы, скупой подбрасываемые судьбой.

– Не гони его, на семь верст кругом ведь никого нет, – вздыхая, втолковывала мама, когда на горизонте начинал маячить очередной мутный «вариант». – Нет ничего хуже одиночества.

Достало. До тошноты. Да зачем оно ей? Неуемности, подобной ларискиной, в ней не было отродясь. Хотелось покоя, надежности, прочности. Обычные женские мечты.

И вот где-то там, в заоблачном комитете по делам неприкаянных, зевающий от скуки небесный клерк вдруг выдернул ее личное дело из груды замшелых папок. Сдул пыль, протер рукавом фото, хмыкнул и запустил портфолио с надписью «Асель Найманбаева» в игру. Так появился в ее жизни Ерлан. Вдовец и настоящий полковник. Красиво ухаживал. Не приставал с расспросами. Умно и тонко шутил. Изредка приглашал в театр, на концерт.

– Уу, хороший мент, говоришь? – Лариска кривила губы в усмешечке. – Не связывалась бы ты, послушала бы мудрую тётю Лару. Уж замуж невтерпёж? Неактуально, подруга.

Завидует, ежу понятно.

Работу Ерлана Асель представляла себе смутно. Руководитель следственным изолятором. Зеки, подчиненные, атмосфера тюряги. Он предпочитал говорить о другом. О книгах, увлечениях, о своих взрослых детях. Об искусстве. Да, такого принца стоило ждать.

* * *

...балет был просто шикарный... и шикарным был жест Ерлана, который решил порадовать любимую таким вот оригинальным подарком к 8 Марта. Сам вышел на сайт «Астана-Опера», сам заказал электронные билеты. Не забыл, как она когда-то в разговоре вздохнула: маловато, мол, у них возможностей для так называемого культурного отдыха...

Асель задумчиво смотрела на проносящиеся за окном редковатые голые придорожные деревца и куцые прозрачные кустики. Смаковала оставшееся с вечера «Киндзмараули» из складного стаканчика, закатывала глаза и поддразнивала Ерлана. Весной за городом еще и не пахло. Снег вдоль дороги лежал плотным белым одеялом. Лишь бледно-голубое небо и по-весеннему ласковое солнце напоминали о том, что зима вот-вот уступит свои права. Приближались к Щучинску.

Вдали засинели размытые силуэты кокчетавских гор. Растительность на обочинах заметно сгустилась.

Внезапно, едва не выронив бутылку, она удивленно вскрикнула и стукнула стаканчиком в лобовое стекло:

– Смотри-смотри! А почему такая маленькая?

Вдоль магистрали по снежному насту трусила в направлении их пути серовато-желтая лиса.

– Чуть крупнее кошки!

– Это же корсак, они такие и есть.

Ерлан мельком бросил взгляд на обочину и продолжал сосредоточенно смотреть на дорогу.

– Ой, еще одна!

Не прошло и трех минут, как Асель опять изумленно оглянулась, провожая глазами фигурку скачущего по глубокому снегу зверька.

– А слышала народную поговорку: если время – лиса, стань гончей и ухвати ее?

Ерлан улыбался краешком губ, но глаза оставались серьезными.

Асель вдруг поймала себя на смутном предчувствии: будет и третья. Так и случилось. И опять – очень скоро. Она была точно такой же – маленькой, блеклой, с грязноватым оттенком шкурки, и так же резво скакала в сторону их родного города.

– И чего это они распрыгались? И близость машин их не пугает...

Вино, наконец, закончилось. В салоне было тепло, почти жарко. Глаза Асель слипались. Сказывалась бессонная ночь. Девушка мысленно перебирала недавние ощущения, чуть улыбаясь с закрытыми глазами. Немного смущала ее казенная обстановка, чужая постель, неуют случайного пристанища. Экстрим, своего рода. Но Ерлан был хорошим любовником, опытным и бережным. И значительная разница в возрасте лишь добавляла уверенности: она именно с тем человеком, какой и был ей нужен. Которого она ждала всю свою жизнь...

– Ай! – Асель больно ударилась виском о стекло, и машина почти сразу же резко затормозила.

Асель взглянула на Ерлана. Он был блее мела. Двумя секундами раньше его джипик с треском врубился правым боком в ограждающий барьер, который оказался довольно крепким.

– Что случилось, милый?

Девушка потирала ушибленное место ладонью и медленно приходила в себя.

– Да не знаю я! Заснул, видимо...

Ерлан безвольно опустил дрожащие ладони на колени. Губы его беспомощно прыгали.

– Сильно стукнулась?

Асель молча обвила его шею руками и притянула к себе. Вот они к чему были, три лисички-сестрички. Не зря мельтешили. На свете случайностей нет.

* * *

Свадьбу решили не делать. Без шумихи зарегистрировались, посидели в кафе.

– Как-то не по-нашему, – недоумевали родители. – Понятно, он вдовец, но ведь ты у нас единственная, и брак у тебя первый. Что люди скажут?

Ей было наплевать. Ерлан недавно познакомил ее с сыном и дочерью. Они жили своей жизнью. Приехали из столицы, специально для встречи. Но понятно было, что восторга она у них не вызвала. Как и сам факт женитьбы отца. Ну и черт с ними. Квартира Ерлана была большой и со вкусом обставленной. В новом доме, с современным проектом. Асель не задавалась лишними вопросами. Тихо плыла по течению. Как всегда. По совету Ерлана ушла на полставки. Лариска лишь пожимала плечами. Любовь любовью, но превращаться в домашнюю клушу? Забить на собственные амбиции? Асель прислушивалась к неиспытанному ранее в себе. С удовольствием готовила, наводила уют, ждала мужа с работы. Узел распутался, и жизнь потянулась ровной гладкой нитью. Но летом в их отношениях появились новые оттенки.

Ерлан вдруг стал нервным, легко терял контроль над собой. Потом отмякал, извинялся. Курил на балконе, подолгу глядя куда-то вдаль. «Тебе щетку Дорсанваля надо попробовать», – полушутя-полусерьезно посоветовала она, когда Ерлан в очередной раз сорвал на ней раздражение. Он ничего не ответил, но взгляд его был странным и каким-то отрешенным.

– Поедем в Зеренду на выходные, жаным?

Она заглянула в его глаза. От его прежнего уверенного и сильного, теплого и любящего взгляда не осталось и следа. Это были глаза больного и глубоко несчастного человека.

Сняли небольшой коттеджик – из тех, что строились для сдачи в наем. Красивый снаружи, но хлипковатый. На зиму не рассчитан, явно. Но все было сделано на пять с плюсом. Детская площадка, новенькая баня с бассейном, место высокое и в самом бору. «Вот бы такой домик нам с детьми потом, идеальное место для каникул, и ехать никуда далеко не надо», – мелькнула мысль у Асель. Гуляя в обнимку по берегу любимого озера, вдыхая неповторимый сосновый аромат, они будто снова вернулись в пору их знакомства. Тогда к Асель с Лариской здесь же на берегу пристал какой-то амбаловидный мужик, в темных очках, бандане, густо-волосатый и напористый. Оказался руководителем группы участников соревнований по панкратиону. «Что это?» – изумилась Асель. «Бои без правил. Здесь ежегодно проходят турниры. Не слышали?» От навязчивого бойца было трудно отвертеться. Хотя Лариска, в общем-то, была не против. Но запал панкратионщик именно на Асель. Его непринужденный треп вызывал в ней ужас. Что-то он там травил: не для себя, мол, знакомлюсь. О своих ребятах пекусь, об их досуге... Но потом появился Ерлан, который спокойно и твердо дал понять этому липкому, что ему с его командой здесь ничего не обломится...

– У тебя что-то на работе случилось, я же чувствую.

– Пока всё нормально. Давай не будем об этом.

– А я тебе хотела сказать кое-что... У нас будет ребенок.

В первую секунду ей показалось, что Ерлан растерялся. Но потом он подхватил ее на руки, закружил, стал осыпая поцелуями. И Асель почувствовала, что они снова вместе. Как раньше.

* * *

Мобильный Ерлана был отключен. В течение целого дня Асель пыталась дозвониться. Всё было без толку. После той поездки за город прошло несколько дней. Вечерами Ерлан, как будто бы, вел себя как прежде. Шутил. Рассказывал о

детстве. А ночью крепко прижимал ее к сердцу. Что-то, всё же, было не так. Но он упорно молчал. Асель дозвонилась на КПП, но ничего не смогла добиться. Дежурный был якобы не в курсе. А потом позвонил сам Ерлан. Сказал, что его не будет несколько дней. Срочная командировка. Асель не поверила, но попытаться не стала. Прошла неделя. Ерлан не выходил на связь. «Может, другую завел? – сочувственно предположила Лариска. – Все они одинаковы». Не завел. Всё было гораздо хуже. Курьер принес Асель на работу письмо в самодельном конверте. Ничего не объясняя, развернулся и скрылся. Письмо было от Ерлана. Туманно и немногословно он писал о том, что его закрыли. «Я там, где недавно еще сидел в кресле руководителя. Только в другом «кабинете». Где окно просто так не откроешь. Что бы ни произошло, жаным, знай: я ни в чем не виноват. Люблю тебя. Если что-то случится, тебе позвонят». Асель смотрела перед собой невидящим взглядом. Кое-как доработала смену. Дома всё валилось из рук. Ночь она промучилась без сна. Заснула перед рассветом. Во сне кто-то сильно и резко потянул ее за руку, вонзил острые зубы в тонкую кисть, а потом начал медленно раскручивать на кровати... Она пыталась крикнуть, но из груди вырывались лишь сдавленные всхлипы. Это был некогда часто повторявшийся ее детский кошмар. Который, как ей казалось, покинул ее насовсем. А назавтра запыхавшаяся Лариска, в перерыве заманив ее в ординаторскую, вытащила из сумочки свежий номер одной частной газетки. Асель пробегала глазами по строчкам и медленно покрывалась холодным потом. «Залевский, Залевский...». Где-то она слышала эту фамилию. Довольно редкую, такую не забудешь.

* * *

Потянулись дни ожидания. Асель дважды в месяц ходила на свидания. Ерлан выглядел нормально, даже оживлялся порой. О следствии, понятно, говорить он не мог. Как понять, что на душе у другого человека? Даже того, кто стал очень близок за последние несколько месяцев? Как расценить те факты, о которых бойко рассказывали местные журналисты в своих заметках? В сознании Асель образ Ерлана расслоился на два пласта. И второй, закрытый и неясный, она старалась задвинуть в своем сознании как можно глубже. А первым она жила и грезила наяву. Говорили на допустимые темы. Ерлан обеспокоенно спрашивал о ее здоровье, о походах в женскую консультацию. Там все было хорошо, несмотря на будущий статус старой первородящей. Девочка, дочка должна была появиться через полгода. Асель пыталась успокаивать себя мыслями о скором освобождении мужа. Следствие разберется, ведь он чист и невиновен. А в то, что писали газеты, она не верила.

Родители Асель никак не выражали своего мнения, но про себя думали: да, влипла дочка, нечего сказать. То, что полиция насквозь коррумпирована, было известно и до появления в их жизни полковника Токсанова. Но тут, вероятно, был тот самый случай, когда любовь зла...

* * *

Ей и вправду позвонили. Оттуда. До суда оставалось несколько дней.

– Только не волнуйтесь, и лучше присядьте...

Она медленно сползла на пол. Было трудно дышать. Хватала ртом воздух, инстинктивно схватившись за живот. Там что-то ощутимо толкнулось, раз, другой.

Тихо, тихо, доча... Мы справимся. Сейчас только вдохнем поглубже... А плакать нам нельзя.

– Я должна его увидеть до похорон. Больше я ни о чем Вас не прошу.

...Неохотно и со скрипом, но ей выписали пропуск в морг. Преодолевая волны подкатывавшей тошноты, она приподняла простыню. Его рука, которой он еще совсем недавно ласково поправлял прядки ее разлохматившихся волос... голубые ногти правильной формы. Асель вздрогнула. Несколько раз моргнула. Освещение тут так себе, явно не рассчитано на пристальное разглядывание, но со зрением у нее все в порядке. На мертвом запястье – четкие вмятины, как от чьих-то больших и безжалостных пальцев... Она вспомнила, как еще до свадьбы как-то упростила Ерлана сводить ее в музей ДВД. Он поначалу отнекивался, но она так пристала, что ему пришлось уступить. Там она впервые увидела и узнала многие шокирующие подробности. Нет, кое-что ей, конечно, было хорошо известно со студенческой скамьи. Но совсем по-новому вдруг прозвучало и запало в душу вот это выражение – странгуляционная борозда. Странная борозда... странные вмятины... Повесился на простыне, привязав ее к батарее... Не таков он был, ее полковник, не таков. Сказки дядюшки ДЭВЭДЭ. Страшные, странные сказки. Про странгуляционные борозды и прочие страхи.

– Не надо Вам забивать себе голову, Асель. Думайте о ребенке.

Негромкий голос ее постоянного телефонного собеседника, сопроводившего к телу мужа, вырвал из оцепенения. Она твердо посмотрела в глаза говорившего. Тот многозначительно прикрыл веки и кивнул головой, а потом медленно повел ею из стороны в сторону.

* * *

...Лариса яростно захлопнула ноутбук. Хотелось плевать. ...Там, в той жизни, о которой она только читала и смотрела в кино, была своя жуткая событийная логика и не было никакого разумного выхода. В общем, в СИЗО, которым руководил Ерлан, попал один местный бизнесмен. Держатель автозаправок. Кому-то явно нужен был его бизнес. Дело на него было так грубо сляпано, что журики городских и собкоры республиканских газет наперебой язвили – между строк – по поводу страх потерявших полицейских. «Крути его по полной», – было велено сверху. И в ход пошли обычные ментовские методы. Бизнесмена кинули в камеру с уголовниками. Там его запугали, грозили изнасиловать, за спокойное «тюремное завтра» требовали денег. Очень больших. Но господин Залевский был не прост, само собой. И нашлись люди, которые подмяли под себя до предела охренившую ментурскую свору. Вернее, потребовали крови и возмездия. Нужен был козел отпущения. Им-то и стал несчастный Ерлан.

Да уж, история. Бедная Аселька, бедная. Не верила Лариса в бога, а то бы помолилась и попросила Его, пусть подруга никогда не узнает этих гнусных подробностей. Ведь говорила же ей, предупреждала. Так и получилось. Хороший мент – мертвый мент, прям как в том анекдоте... ...Закурив, она подошла к окну, стряхнула пепел в форточку. Кленовые вертолетики нежно-бордового цвета, как всегда, вызывали в ее отнюдь не сентиментальной душе непонятное волнение. Потом они станут большими, зелеными и абсолютно неинтересными, покроются пылью, позже пожелтеют и высохнут... Но это еще не скоро. А сейчас – Весна-красна, пора обновления. Женщина вдохнула полной грудью.

Завязывать надо с курением, баловство это все... Пациенты схлынули, можно и сваливать. В роддом отвезти кое-чего. Хорошенькая девочка получилась. А Лариска теперь, как-никак, ей... хм, пуповинная мать, кіндік шеше. А если, в конце концов, решится своего завести, Асель будет на подхвате. Это даже не обсуждается.

МАНЖЕРОК

– Да вы присядьте! В ногах-то правды нет. Вот табуреточка. А я здесь, на трубе, тут теплее. Мне беречься надо. Да, и горло тоже. Ларингит хронический. Но под коньячок спою. Искусством увлекаетесь? Тогда вы по адресу. В каждом городе есть такая улица. Нет, она может называться совершенно иначе, Арбат там или еще как. Или типа нашей – бывшая Менжинского. Вы, сразу видно, не местный. Тем лучше. Видите того усатого в синей аляске с рыжей опушкой? Ах, вы уже успели краем уха? Шарман, не правда ли? Гляньте, как кадык выставляет. А гитара? Дешевка, ДСП, но зато цвет! Ультрамарин, благородный, притягательный. Через неделю вы Фредди уже не застанете. Так что ловите момент. А если не покупитесь и в кафешку сводите, он расскажет свою историю. В нашем доме поселился замечательный сосед, хм... О том, как сосед давал ему послушать первые в его жизни аудиокассеты на плеере «Сони». Кассет было две, в синей и красной обложке. Фред приходил к нему почти каждый день. Красная кассета его не волновала, какой-то хэви-металл. А пацан так размечтался о собственном плеере, что даже склеил себе его из картона, разрисовал, и наушники вырезал, резиночкой скрепил. Но музыку-то не вырежешь, не склеишь. И сосед, таки, отдал Фреду и плеер, и синюю кассету. Не бесплатно, нет. Тот потом неделю-две сесть не мог. Но это прошло. Зато персональный «Queen» круглосуточно. А? Сосед... Ну, статья за мужеложство тогда еще действовала. Плюс растление малолетних. Больше о нем никто ничего не слышал. А Фредди каждую весну концерты дает. У него харизма. И тембр один в один. Однажды петербуржец заезжий мимо проходил. Битый час простоял, слушал и слёзы утирал. И всё, что было в бумажнике. Фреду отдал – а там и доллары были, и евро...

Мон шер, вы, часом, не из полиции? Журналист? Да, я поговорить люблю, если собеседник хороший. А к Марине вы подходили? Ну, как это – которая? Та, на учительницу похожая, крючком вяжет. Не носки. Шапочки. И стихи декламирует. Закажите ей «Читателей газет». Пробирает, куда там Дорониной. А слышали, что ее сестра, Анастасия, здесь бывала? Чья? Да Цветаевой, конечно. Вот Марина-то по молодости и занималась этим вопросом, на досуге. Раскопала повесть, которую Анастасия написала в память о нашем городе. И еще проникла во двор в частном секторе по Чапаева, где писательница угол снимала. А там пёс. Немец или кавказец. В общем, когда хозяева выскочили на шум, Марина уже сознание потеряла. После больницы пришлось ей на инвалидность уйти. А как снег под ногами зачвакает, она на Манжерок выходит. Шарфик круглый год носит, шрамы прячет. Чуть-чуть до артерии оставалось. Ее библиотекарьши подкармливают. Вы сигарет ей купите, она любит, если халявные.

О, Санта, бонжур! Нет, не Клаус, а Карлос. Напрасно усмехаетесь. Американцы о нем фильм документальный снимали. Комбик, дилэй, дисторшн, всё у него

фирменное. Да, шарю помаленьку, я ведь культпросветработник в прошлом. Куда – что? Коннектится? Матка боска! Надо записать. Да вот же – чайхана под боком. Хозяева его и крышуют. Он когда-то соло-гитаристом был в ансамбле при заводе. Числился там слесарем второго разряда. Подойдите, послушайте, не пожалеете. А на телефон снимать не надо. Разорется дурниной. В восемьдесят девятом он за гитарой ездил, в Москву, трое суток поездом. На Каширке встретили его, по предварительной договоренности. Повели в какой-то подвал. А у Сантаны денег было, как на машину. Страшно. Но не обманули и по башке не стукнули, и очень хороший оказался «Страт», хоть и бэушный. Довёз, и это была лучшая в городе гитара. А года через два беда приключилась. Приятель аппаратуру приволок: пусть полежит, мол. Санта в итоге на пять лет загредел как соучастник. Но ему интересней рассказывать о своей первой любви. Ее для него на фабрике мебельной выпилили. Он сам навивку делал, вручную, по семь тыщ витков на струне. Вот этой навивочной проволокой он того экс-приятеля придушить пытался. Когда откинулся. А Сантаной его в психушке прозвали.

Вы покупать-то что-то будете или как? У меня вся советская эстрада собрана. И Лещенко, и Магомаев, и Ротару, и... Мне три с половиной годика было, но как сейчас помню тот концерт. На целину много кто приезжал из артистов. Мы далеко сидели, лиц на сцене не видно. Музыканты в ярко-синих костюмах. И Она в белом, как Царевна Лебедь. О, мон дье... А потом мама мне букет в руку вставила и к сцене повела. Сама в сторонке, а меня к Ней легонько подтолкнула. Та присела передо мной, спросила, как зовут. В микрофон. А я будто онемела. «Поцелуй меня», – улыбается. И щеку подставляет. Зрители мне овацию устроили, да-а... У меня, правда, потом лет до восьми будильник не срабатывал. Мама со стиркой замучилась. Клеенку подстилала, как младенцу. По бабкам таскала, травы заваривала. Позже само прошло. Что? Есть, есть. Только дома. Я по Пролетарской живу, около «Мелодии». Но лучше на Манжерок приходите. Тут мое место, тёпленькое, на трубе, у чайханы. А? Хотите, чтоб я спела? Аveck плезир, мон ами!

МУРАШКИ СЧАСТЬЯ

21.03.20. Сегодня был неожиданный наезд. Жан, Жандос, ты ли это? Отвали, говорит, от нее. Охрип, заикается. Смотрит хорьком. Алька сама выберет, отвечаю. Ухмыляется. Думает, наверное, что со мной можно только из жалости. Да и что – можно-то? Полная безнадега. Дружба без дальнейших перспектив.

...Он упрямо штурмовал пандусы и представлял себя покорителем снежных вершин... Манящих и неприступных. Случайно заглянув в портфолио однокурсницы, Алик понял, что безотчетно любил Альбину и прежде, в детстве. Заочно, когда болел за нее, участницу популярного телевизионного шоу. Ее Гран-при в «Поющем птенчике» было закономерным. Красивая тоненькая девочка-подросток в белом брючном костюме. Снежная-нежная. Девочка ниоткуда с пробирающим до мурашек тембром. Обнять бы ее. Крепко-крепко.

Он тоже умел вызывать мурашки. Десятки дипломов, которые мама с гордостью развешивала на стенах квартиры, появились неспроста.

– Твой прадед-акын пел так, что на расстоянии козы-кош¹³ в домах степняков дребезжала медная посуда, – говорила мама. – А ты своим голосом заставляешь людей плакать и думать.

Про где-то сгнувшего голосистого тамаду – папашу Алика – она умалчивала.

Аллах был суров, но и милосерден. Певческим даром и счастливым характером он компенсировал Алибеку его загадочную хворь. Злую напасть, которая привела веселого и подвижного мальчика к постоянным переломам, а потом прочно усадила в инвалидное кресло. Его тело постепенно деформировалось. Ножки безжизненно и ненужно болтались. Но голос оставался чистым и глубоким, ум – острым, а руки он укрепил постоянными упражнениями.

– Домашнее обучение, приходящие учителя... И при этом аттестат с отличием у парня.

Директор училища искусств Булат Амирович задумчиво перелистывал «личное дело» необычного абитуриента.

– Сила воли, обаяние, талант. – Замдиректора по учебной работе кивнула на увесистую подшивку ксерокопий: грамот было неправдоподобно много. – Вы когда-нибудь видели поющего колясочника? Я – нет.

– Сможем перекроить расписание, чтоб уроки эстрадников были только на первом этаже? И туалет служебный переоборудуем. Всё решаемо.

Понятие «инклюзивное образование» было неизвестно Булату Амировичу. Но его провинциальное училище нежданно-негаданно стало в этой сфере одним из первых в стране. Алибека приняли на отделение эстрадного вокала. Два верных товарища безотказно сопровождали его домой и из дома. Мороз, ливень, недомогание – ничто не становилось причиной пропусков и жалости к себе. Деятельный днем, вечерами он много читал и размышлял. И простая возможность увидеть Альбину была наградой за всё.

Она, казалось, находила в нем лишь надежного друга.

Но как-то раз в коридоре услышала за спиной:

– А что – Алибек? Алибек тоже пацан, у него тоже член есть!

Народница Биба заржала, обдав своим разнузданным откровением стоявших полукругом девчонок. В Альку будто помоями плеснули. Хамская реплика на долго застряла в мозгу.

Ансамбль эстрадников часто выбирался на конкурсы. Алик всюду ездил на общих основаниях. Однажды в перерыве между турами фестиваля «Astana-voice» их сводили на новый американский блокбастер. Алик, как ребенок, заворуженно смотрел на синих инопланетян с острыми ушками, полосатыми лицами и длинными чувствительными хвостами...

15.04.20. *Напел Альке «Поезд в никуда». Сказала, что поет этот романс на отчетном концерте. Когда-нибудь я напишу песню, достойную ее голоса. Это будет ее персональный хит. Наш хит.*

* * *

После училища пути Алика и Альки разошлись. Он поступил в столичный вуз, и с факультета эстрады вскоре перевелся на композиторский. Мама была рядом: сдала в аренду их квартиру в родном городе, чтобы снимать жилье в Астане. Альбина

¹³ Козы көш – расстояние в семь-восемь километров, (буке. ягнячья перекочевка).

предпочла один из сибирских университетов искусств, выиграла грант и уехала из страны. Оказалось, ненадолго. Перешла на очно-заочную форму обучения, вернулась в свой курортный поселок на берегу озера, помогала пожилым родителям. Алик едва не рассмеялся, когда она рассказала, чем занимается там, в своем ПТТ. Торгует раками. Всё лето и часть осени. Это был их семейный бизнес.

– Расходятся влёт, чтоб ты знал. Мне даже обедать некогда. Не говоря уже о «позагорать-искупаться».

Но селфиться со своим товаром и выходить на видеосвязь она все же иногда успевала.

– А почему бы тебе не петь в кабаке? По крайней мере, там тебя хоть кто-то увидит и услышит.

– Да ну. Пиво на курорте течет рекой. А к нему нужны раки. На местные деликатесы туристы денег не жалеют. И к хорошенькой торговке-аборигенке не зарастает народная тропа.

Она улыбалась, а глаза оставались грустными.

– Ты о теории вырывания корней слышала?

– Я у родителей одна, и оставить их не могу.

25.07.20. Подписался в Фейсбуке на Дильбар Хасанову. Ее канал «Семь нот» – не айс, конечно. Сплошной Кей-поп, бессмысленный и беспощадный. Но тренд есть тренд. В общем, сбросил ей сообщение. Приложил ссылки на видео и фото Альбины. Госпожа продюсерша заинтригована. Но – не Алькой. Мной! Гуглила, раскопала мои старые конкурсные видеоролики. Решила сыграть на моем нестандартном имидже. Ну да. Коляска ведь это то, что надо. Для оглушительного выстрела в этих долбанных поп-джунглях.

«Алик, забудьте о своей Альбине. Подумайте о себе».

«Пожалуйста, помогите ей, не мне. Она – абсолютный неформат. Но тем лучше».

Продюсерша колебалась. Девчонка, конечно, мега-талантливая. И особенная. С универсальной метисной внешностью. Славянские корни или татарская примесь? В общем, европеизированный образ, коммерчески актуальный. Но драйва маловато. Мороженая клубника. Может, показать ее Эльдару? Лирика – это его профиль. Эльдар, продюсер конкурирующего музыкального канала «Голос ангела», как она и предполагала, клюнул.

Вскоре Альбину начали крутить на радио, телевидении. Она редко теперь выходила на связь. Роль Алика в этом проекте по его просьбе осталась для Альбины секретом. Сам он преподавал в новой школе искусств с инклюзивным уклоном, параллельно подхалтуривал аранжировками и сочинением заказных песенок. Думал о той единственной песне, которую напишет для Альбины. Смотрел ее клипы и отгонял невеселые предположения. Судя по всему, корни она, наконец-то, вырвала.

* * *

17.02.20. Читал сегодня про белорусского колясочника. Парень посвятил любимой свой прыжок с парашютом. Потом наткнулся на материал о Стивене Хокинге. И ни к селу вдруг вспомнилась мне «Голова профессора Доуэля»... Грани возможного, грани фантастики...

Он уже и сам почти не верил, что у него получится. Вынырнуть из тошнотворного потока музыкального мусора, поставляемого им для армии середнячков, было непросто. Но песня написана и отправлена. Постепенный разворот крыльев, виртуозный гитарный запил и отклик саксофона в кульминации, стремительное крещендо и страстная модуляция на тон вверх...

Альбина позвонила в тот же день.

– Алик, композиция – супер. Эльдар сказал, мы взорвем зал на «Евровидении».

«Эльдар сказал...». Когда это самодовольное «медийное лицо» с пижонской бородкой мелькало в телевизионном эфире, Алик вырубал телевизор.

...Она и вправду порвала зал. Он впился глазами в любимые черты на экране. Хотелось вопить от восторга, как орут болельщики на футбольных матчах. Или запеть во всё горло – так, чтоб легендарного прадеда переплюнуть.

Мама неслышно подошла и мягко положила ладонь на его плечо.

– Может, теперь тебе стоит подумать о Григоряне?

Да, наверное, он сможет себе это позволить. Сбережения плюс солидный гонорар за хит для Альбины – его путевка. В клинику израильского светила с армянской фамилией. Алик впервые услышал это имя, когда в очередной раз проходил свои регулярные процедуры в республиканской клинике. Прямо доктор Сальватор какой-то... «Хромым он делает новые ноги, живые ноги...»

14.05.20. Ура. Преодолею пару шажков в ходунках. Меня предупредили: будет долго и мучительно. Наберись терпения. Чего-чего, а уж этого нам не занимать. Четыре сложных операции, реабилитация... я уже почти полгода здесь. Каждый день гимнастика по системе Григоряна. И никаких гаджетов и телевидения. Никакого Интернета. Телефонные переговоры с родными – раз в месяц. Зато есть шикарная библиотека. «Бехштейн» в холле. Иногда импровизирую. Ну и блокнот с ручкой у меня, слава богу, не отняли. Пять раз за всё время говорил с мамой. Пытается бодриться, а голос вздрагивает. Хотел спросить про Альбину, но сдержался...

Минуло еще полгода. Алик пробовал ходить с тросточкой. Тело отзывалось болью, но это было нормально, как говорил доктор. Теперь два раза в год надо будет прилетать сюда на неделю-две. Григорян вручил Алику папку с историей болезни, отдельно остановился на странице рекомендаций. Попросил время от времени сообщать о себе.

– Док, как только мне вернут мой айфон, я смогу выполнить Вашу просьбу.

Улыбающийся Алик не удержался от прощального объятия. Пожилой профессор смущенно закричал: ну и железная хватка у этого пациента. Ручищи не музыканта, а молотобойца.

Долгий перелет. Родина. Заплаканная мама с букетом сиреневых дачных пионов. За год она заметно сдала. Теперь и ее бы отправить куда-нибудь на отдых... Таксист потыкал в кнопки автомагнитолы, попал на новостной блок «Тенгри-FM». Алик вслушивался, пытаясь уловить нужное в радиотрескотне.

– Учреждена премия в области эстрадного вокала. Новый конкурс молодых исполнителей будет носить имя певицы Альбины. Напомним, полгода назад казахстанская звезда и победительница «Евровидения» Альбина Зарипова трагически

погибла в автокатастрофе. Учредителем премии выступил продюсерский центр Эльдара Хуциева совместно с телеканалом «Голос ангела»...

Дома было всё как всегда. Алик включил ту самую песню. Прилег, закрыл глаза. В диалог гитары и сакса ворвался ее живой голос. Он и она – жители далекой Пандоры, держась за руки, бежали по воздуху. Мурашки счастья охладили голубоватую кожу. Алик спал. Из расслабленной ладони выпал и покатился коричневым стеклянный пузырек.

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Над городом сгустились мягкие зимние сумерки. Диана уютно расположилась у телевизора с чашкой горячего какао, включила DVD-проигрыватель, загрузила свеженький диск с новым фильмом. Не так уж часто ей доводилось празднично и неторопливо провести домашний вечер, но вот уже неделю муж был в командировке, а восьмилетний Максим рождественские каникулы проводил у любимой бабушки в Караганде.

– Останешься одна – не подходи к двери, – серьезно посоветовал Рустам, упаковывая вещи. – Соседи у нас, сама знаешь, какие. Свои предварительно оповестят по телефону, если что нужно. А так – мало ли что, район у нас – не приведи бог.

– Слушаю и повинуюсь, – отшутилась Диана, провожая бдительного мужа. – Не беспокойся, ничего со мной не произойдет.

Основания для нелестной характеристики недавно заселившихся соседей у мужа были. Молодая семья, с ребенком и матерью одного из супругов, мягко говоря, не отличалась примерным поведением. Точнее, довольно странный образ жизни вела именно «сладкая парочка». Хозяин дома, высокий, видный, улыбочивый мужчина, при первом взгляде производил выгодное впечатление. Но ранние мешки под глазами и всегда красноватые белки глаз выдавали пристрастие к частым возлияниям. Несколько раз за тонкой стеной панельного дома разворачивались настоящие баталии: он возвращался «на бровях», а вспыльчивая голосистая «супружница» устраивала сцену. Завершалась «вольная борьба», как правило, на лестничной площадке, с душераздирающими криками, матом, очередным изгнанием пьяницы из дома. Похмельный синдром веселый сосед обычно снимал пивом, непринужденно сбрасывая бутылки с балкона. Поэтому и Диана, и Рустам, будучи отнюдь не замкнутыми людьми, предпочитали вежливо здороваться и этим ограничивать вынужденные контакты: как-никак – соседи, портить отношения ни к чему, лучше занимать нейтральную позицию. Однажды, в отсутствие Рустама, Диана открыла соседу дверь и тут же пожалела об этом.

– Пожалуйста, напишите характеристику, что претензий ко мне не имеете и знаете меня только с хорошей стороны.

Обворожительно улыбаясь, сосед уже совал ей лист бумаги и ручку. Желая поскорее отвязаться, она нацарапала несколько лживых предложений и поспешно выпроводила «примерного семьянина».

Действие фильма неторопливо разворачивалось, Диану клонило в сон, но она силилась перебороть себя. Настойчивый звонок в дверь нарушил тишину. «Не буду открывать», – подумала Диана, но незваные гости трезвонили, не переставая.

– Покоя нет! – Диана щелкнула пультом и лениво подошла к двери. – Кто там?

– Откройте, милиция! Здесь ребенок соседский в квартиру попасть не может, дома никого нет.

– Ну а я-то здесь причем?!

Диана с раздражением выглянула в приоткрытую дверь. Действительно, два милиционера, и с ними – ребенок лет шести на вид.

– Пусть посидит у вас, пока родители не вернулись. На улице стоял, плакал – у вас ведь домофон, так он даже в подъезд зайти не мог. У него мама – учительница в школе, видимо, задержалась на работе.

– Подождите, уже десятый час вечера. Я тоже работаю, но я-то – дома. И потом, сейчас каникулы! Какая школа?!

– Ну что Вы, в самом деле, такая неосознательная? Вы ведь женщина! – пристыдили стражи порядка. – Нам надо идти преступников отлавливать, а мы тут с Вами препираемся! Пусть посидит, ничего страшного, соседский ведь, не чужой!

Сбагрив пацана, полицейские поспешно удалились, а Диана недовольно уставилась на позднего гостя. Худенький заплаканный мальчик стоял, не раздеваясь и переминаясь с ноги на ногу. Ей пришлось помочь ему снять курточку, шапку, перчатки – ребенок был какой-то вялый и заторможенный, то ли от усталости, то ли от смущения.

– Заходи, давай знакомиться! Как тебя зовут?

– Тимур, – еле слышно ответил мальчик.

– Садись, сейчас включу тебе мультики. И покормить тебя надо. Где же твои родители-то? На работе? Интересная работа! А бабушка? В ночной смене? Странно. А ключи тебе разве не дают? Забыли? О, господи!

Диана трещала без умолку, поглядывая на соседского малыша, который, как оказалось, был ровесником ее Максима, но выглядел гораздо младше. Мальчик нерешительно присел на краешек дивана и испуганно смотрел на экран телевизора. Таких детей Диана еще не видела. Ее сын был розовощеким, горластым, подвижным. И дети ее знакомых – холеные современные дети «без комплексов» – все как один были самоуверенны, невинно эгоистичны и далеко не застенчивы. Налив в тарелку горячего супа, Диана с жалостью смотрела на чужого ребенка, который без особого аппетита меланхолично возил ложкой. Тощий, какой-то серый, болезненный. Покашливает, как старичок, поднося ко рту худенькую ладошку. Темно-серый свитер еще больше подчеркивал нездоровый цвет лица. Просто – дитя подземелья. Сердце сжалось от боли: как можно забыть о своем ребенке, словно он – не очень нужная вещь?

Диана написала на клочке бумаги: «Тимур в соседней квартире», воткнула записку в щель соседской двери. Прошло около часа. Диана, недоумевающая по поводу необъяснимого поведения разгульных соседей, уже собралась уложить усталого Тимура. И тут раздался звонок в дверь.

– Ну вот, вернулись твои родители!

Диана ободряюще улыбнулась мальчишке, но он не ответил. На пороге стоял румяный с мороза, улыбающийся сосед. Как всегда – чуть под мухой, добротен и не без щегольства одетый, сытый и довольный жизнью.

– Сын у вас?

Диана молча кивнула и пошла в комнату. Тимур сидел неподвижно, смотрел мультфильм.

– Тимур, папа за тобой пришел!

И вновь ее поразило выражение какой-то обреченности в маленькой фигурке соседского мальчишка. Он молча встал, медленно пошел к двери, как бы нехотя надел куртку. Ни слова не сказав, вышел к отцу. Закрыв за ними дверь, Диана расплакалась. Вытащила из альбома фотографию Максима и, глядя на родное веселое лицо, неотвязно думала о печальном ребенке за тонкой стеной панельного дома...

НЕРАВНОБЕДРЕННЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Жамал и Ануарбек были из одного аула, вместе учились в школе, вместе поехали завоевывать город и покорять вершины науки. Их весна была всем на зависть. Даже то, что первенцем стала дочь, не омрачило отцовской гордости Ануарбека. Маржан росла похожей на отца, и он души в ней не чаял. Несся домой на всех парусах и, не успев переодеться после работы, вскидывал залиvisto хохочущую толстуху на руки. Подбрасывал к потолку, сажал на плечи, увлеченно скакал по новенькой квартирке. Жамал лишь снисходительно улыбалась, глядя на одинаково счастливые, глупо улыбающиеся лица самых близких ей людей.

Им было всего тридцать с небольшим, когда Жамал вдруг тяжело заболела. Инсульт, операция, необратимые последствия. Некогда веселая хохотушка изменилась до неузнаваемости. После полугода постельного режима под присмотром врачей Жамал вернулась домой. Ей требовался уход, покой, о возобновлении преподавательской работы речи и быть не могло. Ануарбеку было больно смотреть на нее. Сердце щемило, а перед мысленным взором проносились образы из их общей светлой юности. Затрудненная речь, медленный темп передвижения, почти неподвижный взгляд исподлобья. Приговор врачей был однозначен. Она никогда не вернется к полноценной жизни.

Ануарбек очень любил жену, жалел ее, но время и годы брали свое. Молодого еще мужчину «в самом соку» раздирали противоречия. Чувство долга, ответственность за жену и подрастающую дочку, которая почти перестала улыбаться и так не по-детски серьезно смотрела на него испытующим взглядом из-под густых ресниц. Маржан всё видела и понимала, хотя ей было всего двенадцать лет. Годы проносились мимо, а изменений в состоянии Жамал не предвиделось. А тут встретилась на вечере у знакомых, к которым он давно уже ходил без жены, хорошая девушка. Скромная, улыбчивая, симпатичная. Неглупая, образованная – но не настолько, чтобы это раздражало, хозяйственная – словом, все как надо. На 15 лет моложе, и смотрит на него, как на божество. Все это приятно щекотало самолюбие Ануарбека: власть над существом покладистым и мягким, молодость и беспомощность подруги приводили душу в тихое умиление. И тогда Ануарбек решился на разговор с женой.

– Я никогда не оставлю тебя и Маржан. Будем видеться каждый день, буду помогать всегда и во всем. Но ты должна меня понять и... отпустить.

По щекам безмолвной Жамал текли слезы, дрожащие пальцы судорожно тербели уголок носового платка. Но возражать она не стала.

С тех пор Ануарбек жил на два дома. После развода быстро расписались. Акбота всё знала и, скрепя сердце, подавив недовольство и тоску, согласилась. Шли годы. От нового брака было уже двое детей – сын и дочь. Маржан приходила

к отцу, помогала Акботе. А Ануарбек три раза в неделю после работы забегал к Жамал, приносил лекарства, продукты. Все привыкли к нестандартной ситуации. Но когда Жамал умерла, Акбота внутренне возликовала, хоть и пыталась одернуть себя: грех радоваться чьей-то смерти. Ануарбек же оставался таким же игривым и бодрым. Окружающие не осуждали его. Наоборот, отзывались поощрительно. Ведь он не бросил первую жену по принципу «с глаз долой», а нашел удачный компромиссный вариант. Окажись в подобной ситуации женщина – ей бы такого поступка не простили. Таково уж общественное мнение. Терпеть, ухаживать за малым и немощным, любить и оставаться верной, корректировать детские мечты и смиряться с судьбой – вот извечная женская доля. Идти вперед, не отступать от намеченного жизненного плана, перешагивать через препятствия – прерогатива героя и настоящего мужчины...

МЕЛОМАН

Ассенизатор Пахомов не любил Вагнера. Он любил Чайковского. Бывалоча, придет с работы, помоемся, как следует, отобедает, и в кабинет – музыку слушать. Четвертую симфонию очень уважал. «Пиковую даму». Балеты – те нет, не возбуждали. Слишком уж затертая музыка. Заезженная. Хотя и красивая, кто бы спорил. Но с похоронами генсеков подсуропили Чайковскому, конечно. Как помрет очередной вседержитель – так «Лебединое озеро» по всем каналам. Хошь-не хошь, слушай до омерзения. То ли дело – симфонии. Или оперы.

Жена Пахомова, напротив, Чайковского недолюбливала. И даже чего-то намекала Пахомову насчет нетрадиционной ориентации композитора. Она, как раз-таки, очень Вагнера уважала.

– Послушай, – говорит, – какая нечеловеческая музыка.

И поставит диск с «Полетом валькирий» или увертюрой к «Тангейзеру». Пахомов морщился, как от кислоты.

– Это, – рассуждает, – в тебе твоя немецкая кровь заговорила. – А «нечеловеческая» – это Бетховен, ты не путай давай. Так вождь мирового пролетариата про «Аппассионату» высказывался. Хотя и Бетховен – тоже немец. Так что хрен редьки не слаще.

Жена не возражала. Она и Ницше почитывала на досуге. И цитату могла когда-нибудь подкинуть. Да и работала учителем немецкого в школе.

А теперь вы спросите: а с чего вдруг ассенизатор – и классику слушает? Неестественно это как-то. Неправдиво. Ну, во-первых, ассенизатором он стал недавно. А до того был дворником. А еще прежде – главным редактором областного радио. Разошелся он с властями местными во взглядах. Надоело гибкость проявлять. Да и плюнул в сердцах на всё. По идейным соображениям. А до пенсии еще долго. И без работы Пахомов сидеть не привык. И пошел в дворники. Вот так, натурально, устроился, и с метлой каждый день. И до того уютно ему стало. А привычку к выражению собственного мнения не оставил. И как встретит знакомых, беседует – подробно, грамотно, с подведением базы. Потом предложил ему кто-то в ассенизаторы перейти. Работа более высокооплачиваемая. И в той же сфере. А что? И прекрасно. И заработки неплохие. Товарищей по работе летучками несанкционированными не доставал, нет. Трудился, как положено. И в машине автомагнитолы не касался. Ребята там слушали свое, привычное. Круг там какой, или «Сектор Газа».

Жена, в принципе, протестных настроений не выказывала. Ни когда Пахомов с треском заявление об уходе подал. Ни когда в ЖКХ устроился. Ей даже и ассенизаторское его положение нравилось. Любила она своего бунтаря, и бунт его негласно поддерживала. Дети взрослые, поразъехались кто куда. Стесняться не перед кем. Да и чего стесняться? Засыпает муж с чистой совестью, просыпается с ней же. Ночами не вертится, не вскрикивает. Трудных вопросов и непростительных компромиссов в этой новой работе не было. А какашками обольется невзначай – насос там не выдержит давления, шланг слетит или еще какой казус приключится – так это не страшно. Эту грязь смыть можно. Да и чувство юмора спасало.

– «Цветов веноч душистый», – нежно пропоет она Пахомову.

Ну, посмеются, как молодые, взхлѐб. Шумана, хоть и немца, Пахомов не отвергал. А жену ценил за понимание. Пытался себя на ее место поставить. Воображения не хватало. Но сама она продолжала топтать свою педагогическую стезю. Как-то не верила в свои силы. И родители ей смолоду внушили. Вот, мол, твой кусок хлеба. И ничего тебе больше не надо. А если взбрыкивала по временам, мама ее осаживала:

– Ну и куда ты пойдешь? Селедкой на базаре торговать? Хорошая у тебя работа, хорошая. Вот и работай.

Она и работала. И на выборах бюллетени подсчитывала. И на демонстрации ходила. И ремонт в школе делала. И ничего. А для отдушины у нее Вагнер был. Все-таки велика сила искусства. С реальностью примиряет. Строить и жить помогает. Одно огорчало: разница во вкусах. Вместе слушать не получалось. А вот если бы так рядком-ладком на диванчике, рука в руке, да и лейтмотивы из «Кольца нибелунга» подсчитывать. Вот уж сказка была бы. Да, сказка. О ней помечтать можно. А жизнь и так неплоха. Так что и нечего. И тихо бы так доживали Пахомовы до пенсии. Но однажды вспомнили о нем, решили в агитаторы позвать. Оппозиция не дремала и внимательно к потенциальным кадрам присматривалась.

– Ну, чего вы так прикипели-то к ассенизаторству? Мир ведь куда шире, интересней. И вы человек образованный, вам ли такими делами заниматься? Пойдемте к нам. Блог будете вести, газету нашу возглавите. И всё прошлое своим обидчикам припомните. Зарплата – само собой, не разочаруетесь. В Турцию поедете в отпуск, или в Эмираты. А там, глядишь, и в Грецию с Италией. А?

Но Пахомов отказался наотрез. Руками замахал. Оппозиция поприставала, поприставала, да и отвалила. Ну его, чудака, в самом деле. Пусть живет, как знает. Вон молодежи сколько амбициозной. На нее ставку делать надо.

А Пахомов всё так же город свой от дерьма чистит. А вечерами Чайковского слушает. И про пост главреда разве что в ночных кошмарах вспоминает. Но и это только когда перед сном жирного поест.

Я ХОЧУ БЫТЬ ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ...

Во дворе офиса «ИнформКЗ» одиноко стоял старый турник. Я подпрыгнул и, сделав пару подтягиваний, повис вниз головой, раскачиваясь со скрещенными на груди руками...

В общем, я и сам не понял, когда вся эта бодяга с устройством на работу стала перерастать в нечто другое. Мила замолвила за меня словечко главреду, и меня

приняли, несмотря на отсутствие опыта. И вот уже с полгода она не дает мне прохода. Верчусь, как уж на сковородке. И сегодня после долгой планерки Мила попросила зайти к ней. Предложила присесть. Включила электрический чайник, поставила чашки, кивнула на вазочку с печеньем и конфетами. Сначала прошлась по моему материалу о подростке-вандале, отметила авторскую смелость, задала пару вопросов. А потом обошла сзади, не выпуская чашку с чаем из правой руки, а левую мягко положила мне на плечо.

– Слушай, котик, приходи сегодня ко мне домой. Есть разговор. О тебе, о твоей карьере. Тут в «Экспресс-К» собкор нужен по нашей области. Могу спродюсировать твоё продвижение. Ты же сам понимаешь, что здесь тебе скоро будет тесновато, ты ведь у нас птица другого полета.

– Мила Алексеевна, а в редакции поговорить нельзя? Мне как-то неудобно... Она продолжала стоять за спиной, холеными ноготками слегка прикасаясь к моей шее. Я вздрогнул. Вдруг вспомнилось, как в детстве, во время турпоездки по Средней Азии, в сумерках, на Ташкентском вокзале, перед самым отходом поезда в Алма-Ату, внезапно ощутил резкое и легкое прикосновение к шее, сзади, между воротом рубашки и волосами. Девчонка, стоявшая рядом, взвизгнула и пальцем ткнула куда-то в темное южное небо...

– Неудобно на потолке спать, друг мой.

– А если я все-таки откажусь?

И тут Мила как бы невзначай наклоняет чашку с еще горячим напитком, проливая добрую половину аккуратно на мою мотню.

– Чёрт! Вы в своем уме?! – я подскочил, нелепо засуетился, отряхиваясь, а она прижала руку ко рту, ойкнула, словно в испуге, но в глазах у нее поблескивали мстительные искорки.

Начиналось-то всё вполне невинно. Ходил я в литературную студию при университете, которой она руководила. Мила Алексеевна – неплохой поэт, и плюс к тому – замредактора областной газеты. Ей понравились мои стихи. Как и всем в нашей студии, она дала мне свой номер мобильного, просила не стесняться, если возникнут вопросы или проблемы. Баба-то она, в общем, добрая. Я просто читал ей свои вирши, наговаривал их в трубку. Или отсылал по WhatsApp. Она, в основном, восхищалась. Иногда довольно жестко критиковала. Потом стала задавать вопросы, расспрашивать о детстве, семье, порой что-то рассказывала о себе. Она давно в разводе, дочь – чуть младше меня – учится в Омске. Короче, скучно женщине. И вдруг подворачиваюсь я. Кудрявый Керубино с корявыми стишками.

– Артур, тебе только что звонили, – окликнула меня в коридоре Елена Михайловна, заведующая моим отделом.

– Кто?

– Не представились. По голосу – паренек, тембр такой характерный, с хрипотцой. Сказала, чтоб перезвонил чуть позже. По-моему, это он, твой вандал.

– Мм? И что ему надо-то? Неужели свежий номер уже видел?

– Наверное... Статьей за хулиганство не отделается ведь теперь, после такого убойного материала...

– Ну и нефиг было. Как это у Довлатова: поддали, так и ведите себя прилично. Или шел бы вон к банку какому-нибудь, у джигов стекла битой повышибал. Так ведь нет – аллея Славы его привлекла. Придурок. Каратист недоделанный.

– Да... слушай, все разбежались уже, а тут командировка намечается в Астану. Шеф хочет, чтобы ты поехал.

– О, йес. Когда?

– Лучше вечером. Как обычно, заночуете в гостинице. А с утра – на мероприятие. Завтра вечером, даст бог, дома будете.

– Можно я тогда сбегу пораньше, вещи возьму?

– Да иди, конечно, сбор в семнадцать ноль-ноль. Командировочные получи не забудь...

Выходя из редакции, я с облегчением вздохнул. Мила с ее претензиями отодвинулась на неопределенное время. Мой «Forward» терпеливо ждал хозяина, пристегнутый к забору. О, нет. Вот дерьмо! Оба колеса спущены. Оглянулся, но никого, конечно, вокруг не было... Заволок велосипед на первый этаж офиса, поставил между двойными дверьми предбанника, попросил вахтера дядю Самата присмотреть за моим обездвиженным конем... Домой добрался на автобусе. По дороге рассматривал серию посланий от Милы в телефоне. Вот ведь... Так и хочется, прямо глядя в ее глаза, залепить: «Мамаша! Ну зачем я Вам? Деревенский парень. Без году неделя. Дорогие коллеги мне уже успели любезно передать Вашу остроумную метафору – “роза из навоза”. Езжу на велосипеде. Живу на съемной хате. Отпустите меня, а?!»

Дома всё было в порядке. Быстро побросав вещи в рюкзак, сунул в отдельный отсек свой ноут – не люблю редакционный, вечно с ним проблемы. Включил телевизор и, машинально щелкая пультом, незаметно провалился в сон. Проснулся – внезапно, толчком – от вибрации мобильного в нагрудном кармане. Прошло каких-нибудь двадцать минут.

– Да?

– Добрый день, Артур. Это «ИнформKZ» Вас беспокоит. Ну, что Вы решили?

Дурья моя голова, разговор с шеф-редактором столичного информационного агентства совершенно выветрился из памяти. Правда, было это с полмесяца назад. И всерьез я тогда грубую лесть и радужные картины будущего успеха, которые Марат щедро рисовал передо мной, не воспринял... Познакомились мы в Фейсбуке. На какой-то мой пост он отозвался. И пошло-поехало. Он был интересным собеседником. И наши взгляды на многие вопросы совпадали, несмотря на разницу в возрасте. Надо же, как всё сошлось. Вообще-то, уезжать в столицу у меня пока определенного намерения не было. И здесь всё складывалось, в принципе, нормально. И вырисовывалась неплохая перспектива. Но теперь...

– Да, спасибо, я могу приступить к работе, когда скажете.

– Даже так? Ну и замечательно. Подъезжайте сегодня, как раз начало недели, мы всё с Вами и обговорим.

– Окей.

Отправив сообщение Елене Михайловне о том, что доеду до Астаны самостоятельно, быстро добрался до вокзала и сел в почти полный минивэн. Три часа пути пролетели незаметно. Я смотрел в окно на небогатый пейзаж и думал о предстоящем разговоре. Хотелось бы знать конкретные условия. Но шеф-редактор «Информ KZ» эту тему пока не затрагивал, а мои попытки что-то прояснить ни к чему не приводили. Столица встретила, как всегда, порывами резкого ветра, шумной разноголосицей, суетой и обычным для меня здесь ощущением беспри-

ютности. Ожидая звонка от Марата на первом этаже помпезного офиса «Информ КЗ», я тупо смотрел в окно, выходящее во двор.

– Аргур?

Оглянувшись, я увидел полноватого мужчину средних лет, в зеленоватом пиджаке с закатанными по локоть рукавами и серых джинсах. Да, судя по фото в ФБ, это он. На шее Марата красовался цветастый платок. Кажется, такие называют фулярами.

– Вот Вы какой, оказывается, – глаза шеф-редактора из-под дымчатых стекол очков в тонкой оправе с удовольствием обежали меня с головы до ног. – Я Вас представлял почему-то невысоким, субтильным.

– Да уж, на рост не жалуемся.

– Ну, пойдёмте-пойдёмте.

...Спустя полчаса я вышел во двор офиса. Турник, одиноко стоявший в тени тополей, я заметил еще до разговора с Маратом. Разговор в его кабинете был полон туманных намеков. Вон оно что. Не думал, что когда-нибудь столкнусь еще и с этим. Брезгливо передернувшись, подпрыгнул и повис, раскачиваясь всем туловищем, со скрещенными на груди руками. Изящная, говорит, у вас ладонь... Тьфу.

*я хочу быть летучей мышью –
легкой, маленькой, юркой, серой...
в голове ни единой мысли,
а в душе ни любви, ни веры...*

СИММЕТРИЯ

– На, Мадина, выпей это.

На ладони у Каната перекатывались две голубовато-желтые капсулки.

– Зачем?

– Веселей будет. Не бойся. Запей, вот минералка.

Вынул из кармана куртки пластиковую поллитровку, отвинтил крышку.

Она отхлебнула воды. Глазела в темное окно на пролетающую мимо ночную Алма-Ату. Январская слякоть сменилась снегопадом. Завтра с утра ветки деревьев прогнутся под белой пушистой тяжестью. Как в русском лесу из старых киносказок. А вот в ее родных краях снег на ветвях никогда не удерживается. Ветер. Вечный, как сама степь, ветер, о котором обитатели южной столицы знают лишь понаслышке. Молчаливый канатовский «кузен», сидевший рядом с таксистом, вдруг повернулся и внимательно посмотрел ей в лицо.

– Мадина, а вы всегда такая решительная?

– Ой, а я уж подумала, что вы немой.

Она хохотнула.

– Просто не трачу энергию на пустые слова.

– А я люблю слова. Всякие. Потому и выбрала филологию.

– У вас там, наверно, факультет невест?

– Да, с парнями негусто.

– Всё, друзья, приехали.

Канат расплатился и вышел первым.

Девушка озиралась, пытаясь понять, куда ее привезли. Какие-то новостройки. Бесконечные незрячие глазницы окон. Липкие снежинки в свете одинокого подъездного фонаря. Тишина. Пока поднимались в лифте на пятый этаж, она несколько раз ловила на себе изучающий взгляд «кузена».

– Ох, и устал же я! – Канат отпирал ключом одну из двух дверей на площадке. – Сейчас нам будет хорошо. Заходи, Мадиночка.

Ей захотелось спать. Что-то парализовало ее волю. Дальнейшее было как в тумане. Снова звучала музыка. А из угла комнаты с невысокого штатива невозмутимо взирал седьмой глаз – объектив видеокамеры...

Говорят, что провинциалки наивные. Говорят также, что они хитроумные и хваткие. Говорят, что кур доят. А они просто раз-ны-е. Черные, белые, красные. Причем разные, как между собой, так и внутри себя. Но всем одинаково хочется, и так далее, это вы сами знаете. Айсане ничего этого не хотелось, а на мужчин она смотрела сквозь пелену опасливости и трезвого ума. Вероятно, пелена была заметна окружающим, поэтому Айсану особо не кадрили. Хотя внешность у нее была вполне удачная: длинные ноги, густые волосы, не совсем правильные, но привлекательные черты лица. Всё при всём, есть на что приятно поглядеть, как у Лизы Бричкиной. Вот только в голове был сумбур. Упорядочить его не могла даже тема, выбранная для дипломного проекта. Девушка была студенткой-заочницей, училась на филфаке и писала работу по симметрии в лингвистике. Еще она подрабатывала в региональной газете и мечтала когда-нибудь увидеть собственную книгу.

У себя в родном городке Айсана уже несколько лет преподавала после окончания педучилища, а в Алма-Ату приезжала два раза в год на сессии. Кроме учебы, непременно посещения барахолки, а также концертов, спектаклей и кино, в обязательную программу заочниц входили найт-клубы. В конце девяностых на периферии страны ночной клубной жизни еще не существовало. И сельские клубы, эти медленно распадающиеся останки советского прошлого, пока никто не додумался перекроить на современный лад. Не до того было и жителям небольших суровых городов. Там еще кое-где батареи лопались, свет по два часа в сутки давали, печки-буржуйки в квартирах ставили, суп на костре варили. А столицы-то – они всегда прогрессивнее, продвинутой. Тут все эти провинциальные проблемы казались чем-то из области дурных снов. И народ всю «клубился». Но не тот народ, конечно, что тележки перед собой по грязным базарам толкал с криками «жол, жол, дорога!». И не тот, что гигантские клетчатые баулы из Китая на третьи полки раздолбанных пассажирских вагонов ногами утрамбовывал. А тот, что на больших джипах катался, в саунах парился, нарождающийся бизнес контролировал. Всякие там сахарные центры открывал и прочее. А еще туда студенты лезли. Приезжие. Ночные профессионалки. Ну и просто молодые дурочки в поисках приключений.

Загадочно иллюминирующие неоновыми вывесками «Петролеум», «Адмирал Нельсон», «Навигатор»... Всё латиницей, разумеется. Они с сокурсницами, как правило, сначала собирались на съемной хате у кого-нибудь из них. Там немного выпивали под немудреную закуску – в клубах это стоило баснословно дорого, а девушки они были экономные и морально устойчивые. Мыслей, чтоб там кого-то раскрутить на угощение, у них не водилось. Серьезные барышни, одним словом. Все уже трудоустроенные по специальности. Кто-то и замужем. У кого-то уже и

ребенок имелся. Да и клубы они оставляли на заключительные дни сессионного месяца. Когда уже всё благополучно сдано и плацкартные билеты домой куплены. Можно и расслабиться. Тем более что повод был внушительный – «экватор», как-никак. Середина третьего курса, не баран чихнул, фифти-фифти, полпути пройдено, еще немного, еще чуть-чуть!

– Шоу трансвеститов там по программе, прикинь!

Ирка, староста их группы, помахивала где-то добытыми флаерами на посещение клуба со скидкой. Ну да, интересно. Айсана как раз недавно приобрела на раскладушке у маркета глянцевого журнальчик, а в нем – огромная статья о бразильских «травести». С большими фотографиями, душешипательными историями, драматическими ситуациями.

– А ты знала, что у них в домах не бывает зеркал в полный рост? – Айсана испытующе смотрела в глаза подруги. Нет, Ирка не врубалась. – Это защита их иллюзий...

Любопытство естествоиспытателя, смешанное с легкой брезгливостью, подогревали ее простое желание развеяться. Для нее эти культпоходы в клуб были чем-то вроде запланированных мероприятий. Чтоб потом можно было этак небрежно бросить в разговоре: «Клубы? Да бывала я в клубах. Не всё ж нам по театрам и концертным залам расхаживать. Или в читалке прозябать». Ну и всё в таком роде. Типа, элементы сладкой жизни, как говорила героиня Нонны Мордюковой. Дольче вита, в общем. Романтика неизведанного.

На собственную упаковку они с девчонками особо не заморачивались. В чем было, в том и шли. Промозглая алматинская зима не располагала к выпендрёжу. Ходили в джинсах, в теплых джемперах. Собираясь на сессию, неподъемные дорожные сумки до отказа набивали книгами, конспектами, запасами домашней тушенки. Одежда там занимала весьма скромное место. Помимо дежурных джинсиков и свитерков, у Айсаны была еще облегающая красная трикотажная кофточка с рубашечным воротничком, узкая черная юбка выше колен. Высокие сапоги в обтяжку. Нормальный такой прикид. И в пир, и в мир, как говорится. Хоть в «Пушкинку», хоть в «Лермонтовский», хоть в дискотеку.

Этот плоскоголовый внезапно выскочил откуда-то. Раньше бы сказали – как черт из табакерки. А теперь объясняй еще, что за образ-то, и почему, да и как это. Короче, неожиданно выскочил, а они с девчонками уже прыгали в перемигивающих лучах светомузыки. Завертелся перед ней, приплясывая. Девушка, да как вас зовут, да давайте познакомимся, и всё такое. Ну, давайте. Айсана искоса оглядывала нового знакомца. Блин, голова такая, будто мопассановская мать уродов реинкарнировала в образе той, что произвела его на свет. Челюсть немного скошена вправо. Говорят, что симметрия характерна только для мертвых лиц, а живые все асимметричны. Но не до такой же степени! Прынец в китайском свитере, которые грудами навалены в бесконечных рядах барахолки. Смелость города берет. Никогда бы при свете дня Айсана не посмотрела в сторону столь малопривлекательного существа. Но клуб есть клуб. Да и коньячок «Казахстанский», закушенный шоколадкой «Рахат», весело играл в крови и смягчал резкие контуры реальности. Имя свое настоящее Айсана никому в подобных случаях не называла. Конспирировалась. И телефон квартирной хозяйки с легко запоминающимся 969 в конце никому не сообщала. «Ну, допустим, Мадина». «А я Канат». Потанцевали. «А вы с подругами?» «Да». «А я с двоюродным братом». Неподалеку стоял аккуратенький красавчик в костюме

и при галстукe. Будто не успел переодеться после рабочего дня в офисе. Большими серьезными глазами чуть испуганно смотрел перед собой. «Вы не похожи совсем». «Он всегда больше девушкам нравится». «Мне, кстати, тоже». «Ха-ха. Он скромник. Чего не скажешь обо мне». Да. Вот уж, не родись красивым, а родись уверенным в собственной неотразимости. Заиграл медляк, и Канат непринужденно положил ей руку на талию.

– Вы, наверное, журналистка?

– С чего вы взяли?

Психолог, однако. Лесть – мощное оружие.

– Так, показалось. А по гороскопу кто?

– Телец.

– И что тебе известно об этом знаке?

Уже и на «ты», надо же. А мог бы предложить чего-нибудь. Вон бармен трясет шейкером, зевая от скуки. Несколько парочек за столиками в затемненных углах потягивают свои коктейли.

– Тельцы самодостаточные. Педантичные. Пунктуальные. Земной знак, в общем.

– Хм, а я знаю другое.

– И что же?

– А то, что это хорошие матери и прекрасные жены.

Айсана усмехнулась. Круто забираешь, парень. Может, еще предложишь к маме твоей поехать чаю попить? Был тут один. Приклеился в троллейбусе. Туда-сюда, давай вечером в театр Ауэзовский ходим, а потом домой ко мне, с мамой познакомлю.

– А чего ваш брат истуканом стоит, не танцует?

– Стесняется.

У Каната к сплюснутому черепу прилагалась еще и прогения. Выговор был не совсем четкий. Шипящие застревали между зубами. Но его это никак не смущало. Он поигрывал глазками, очаровывал.

– Сейчас шоу начнется. Видела когда-нибудь трансвеститов? Или только по телевизору?

Тут музыку приглушили, и ведущий объявил начало шоу. Выходили под ритмы самбы какие-то Магды, Лайзы и Эльзы. Все с автозагаром. В разноцветных перьях и рюшах. С накладными бьюстами и ресницами, жестковатыми лицами и жилистыми руками. Было в этих «девушках» что-то одновременно жалкое, вызывающее и омерзительное. Но народ ликовал, приветствовал выход каждой «дивы» восторженными возгласами.

– Слушай, Мадина, давай в другом месте продолжим.

– Продолжим что?

Она глянула на «двоюродного брата», стоявшего неподалеку. Он всё так же был один. Задумчиво смотрел на сцену с отрешенным видом.

– Ну, знакомство наше.

– А кузен твой? С нами будет?

– А тебя это напрягает?

– Да нет, в общем-то. Может, кого-нибудь из наших девчонок позвать?

Те, кстати, выразительно посматривали в их сторону, посмеивались и делали Айсане большие глаза.

– Нет, зачем?

– Так, для симметрии.

Плоскоголовый захихикал.

– Симметрия! Будет тебе симметрия, не сомневайся!

Музыка вдалбливала громкий и назойливый мотив. Самба опять уступила место оглушительному техно.

Айсана пожалала плечами. Махнула девчонкам: пока-пока! С новыми знакомыми вышла из клуба и села в такси...

Наутро ее усадили смотреть запись ночной оргии. Канат и его псевдокузен, имени которого она так и не узнала, были уже умыты и одеты. Ничто в них не напоминало маньяков или насильников. Обычные парни обычной страны.

Экран демонстрировал любительское порно. На физиономиях ее недавних партнеров красовались черные полумаски. Они были неузнаваемы. А вот ее лицо, да и всё остальное, конечно, запечатлелось весьма выпукло.

– Ну, что, Мадиночка? – В голосе «кузена» поигрывали иронические нотки. – Хочешь, кассету подарим тебе? Как заскучаешь со своими учебниками, включай, смотри, наслаждайся.

Канат молча улыбался, поглаживая Айсану по бедру.

– Мальчики, а давайте повторим?

Канат с «кузеном» переглянулись.

– А тебя подруги-то не хватятся? Ты хоть звякни кому-нибудь. Скажи, что всё у тебя в порядке. И нам заодно свой номер черкни, созвонимся как-нибудь...

– Эй, ты что? – Ира дергала подругу за рукав. Всё так же гремел англоязычный хит и разноцветные блики ритмично метались среди танцующих. – В транс впала?

Айсана непонимающе уставилась на подругу, возвращаясь из фантазий об отшитых ею навязчивых знакомцах.

– Смотри, эти сняли девку какую-то.

Ирка кивнула в сторону удалявшейся тройцы. Канат шел враскачку, приобнимая крашеную блондинку, следом за ними на небольшом расстоянии плёлся меланхоличный «кузен».

– Представляешь, какая им веселуха предстоит? А ты, дурочка, телефон ему своей дала, что ли?

– Телефон? – Айсана широко улыбнулась. – Да, только там три последние цифры другие. Несимметричные.

ЛЕЙТМОТИВ

Хорёк обожал играть. Рассказывать он не умел. А вот исполнение отрывков из опер было его коньком. Старший преподаватель кафедры истории музыки Ермек Сатыбалдиевич Сатыбалдиев обладал внешностью юркого мужичка с рынка. Если бы не раздутый портфель с неряшливо торчащими оттуда клавирами, ничто в его облике не выдало бы в нем музыковеда. В период летних сессий он щеголял в растоптанных сандалетах с дырочками, мешковатых штанах с пузырями на коленях, старых застиранных рубашках с лохматыми манжетами. Голова

этого ценителя Вагнера всегда лоснилась жиром, редкие прилизанные волосенки плотно облепляли череп. Картину завершали злые глазки, характерный прикус и шепелявость, благодаря которым он и получил свою кличку.

– Вот, слушайте. Ми-бемоль мавор. – Хорёк проворно зашевелил коротковатыми пальцами. Правая ступня в сандалии тридцать восьмого размера споро педалировала. Ни дать, ни взять – Шумахер. – Слыфите? Как тут... Всё зывает, всё дыфит. Фто это, кстати?

Студенты тихонько фыркали. Чудо в перьях этот Сатыбалдиев. Никто никогда не мог предугадать его настроений.

Жазира попалося «Кольцо нибелунга». Ненавистная тетралогия с кучей лейтмотивов, которые она немилосердно путала. Какой подарок для Хорька! Ей не удалось произнести и пары фраз. Он перехватил инициативу, зачастил, брызгая слюной. А потом уселся за инструмент. Тут он был царь и бог.

– Ну, фто зэ вы? Слабо так. Музыку не любите?

В зрчках педагога весело подпрыгивали рыжеватые хорьки. Жазира прерывисто вздохнула.

– Придёте в фледующий вторник. Вот вафа зачётка. Всего доброго.

Жазира сдавала первой. И после нее всё покатилося из рук вон плохо. Хорёк в этот день лютовал, как никогда. А ведь позавчера пацаны-духовики водили его в ресторан. На эту акцию сбрасывались всем курсом. И он от души жрал, пил в два горла. Еще и домой его на такси доставили. У подъезда Хорёк жарко обнимал «своих любимых заочников». Что теперь-то будет?

* * *

Студенты нынче нерадивые. А еще, как выяснилось, неискренние, злые. Вот за что они его так? Врачи отделения травматологии только покачивали головами, глядя на эти страшные увечья. Когда-то гнесинские профессора дарили ему тройки из жалости. Болезненно кривились, слушая сбивчивый неясный ответ. Но неизменно смягчались, когда доходило до исполнения тем по списку. Недоумевали, как это его занесло в музыковеды с такими дефектами речи. Играть он теперь, наверное, никогда не сможет. А без этого он ничто и никто. Может, даже инвалидность получит. Но и зверюги эти, конечно, своё получают. Во-первых, отчислят их без права восстановления. Туда и дорога... О, сестричка пришла. Новенькая? Кого-то напоминает.

– Обнажите место укола, больной.

Жазира торопилась. Может быть, ей и вправду пора всерьез подумать, тот ли путь она выбрала. Ведь что такое музыка? Химера. Но чтоб из-за этого грызуна пострадал весь курс?

– Спите спокойно, – очень знакомые глаза над маской лукаво сощурились. – Напеть вам лейтмотив смерти?

ЧАЙНА

Имя полностью соответствовало его экстерьеру. Вообще-то, в своем исконном итальянском варианте эти с легким присвистом вылетающие звуки символизировали некую крутость и сексапильность. Но русскоязычные посетители отеля, само собой, произносили рабочий псевдоним аниматора на свой лад. На Фаруха

этот типчик и не тянул. А фига – она и в Африке фига. Что-то крученное-верченное, мелкое, не совсем приличное.

Невысокий, жилистый, очень смуглый, Фиго юлой вился меж расслабленных туристов и их неугомонных отпрысков. Развлекал. Заманивал в игры и викторины. Самозабвенно отплясывал, обливаясь потом. Шутил. В меру способностей и в соответствии с личными профессиональными установками и допущениями.

Она привлекла его с первого взгляда. Уже в первое свое появление на площадке перед бассейном, где ежевечерне проходили развлекательные программы. Высокая, светлокожая, с каштановыми волнистыми волосами и карими раскосыми глазами. Фиго, как и многие недомерки, питал тайную слабость к статным женщинам. Рядом с ней легкой тенью скользила симпатичная подружка-шатенка с чуть выпирающими верхними резцами. А Она... Она насмешливо изгибала красиво очерченные губы, обращаясь к своей спутнице. Карине вдруг вспомнился обаятельный цирюльник из опер Россини и Моцарта. Который «Фигаро здесь, Фигаро там». А этот «Фииниго» был просто паяц, потный паяц с навечно прилипшей к физиономии улыбкой.

– О, China!

Он решил поприветствовать ее именно так. В отеле доминировали русские. А Карина, несомненно, была дочерью Востока. Его узкое мышление стандартизировало всё, что выпадало за рамки привычных для него представлений. Фиго ведь прекрасно знал, что китайки выглядят иначе. Но ему захотелось ее поддеть. Потом он не раз за вечер обращался к «чайне», пытаясь вовлечь ее в игру. «Чайна, вы с нами?». И во второй вечер тоже. И в полдень третьих суток, при встрече на пляже, где он шумно и весело резался с отдыхающими в волейбол. «Чайна, хэллоу!»

– Он к тебе явно неровно дышит, а?

Лёлька слегка пихала ее локтем, кивая на зубоскалящего аниматора. Тот зазывно жестикулировал. Карина нахмурилась. Наверное, стоило поговорить с отельным гидом, курирующим их заезд.

Раздражение от фамильярности и некорректности аниматора усиливалось, когда Карина принималась анализировать все мелкие и, казалось бы, совершенно незначительные инциденты, имевшие место в последние три дня. Ну а, собственно, чего они с Лёлькой хотели, выбирая этот, прямо скажем, не самый дорогой тур? О какой-то респектабельности здесь априори говорить не приходилось. Зато море – вот оно, в двух шагах, в этом их не обманули. Ну а на остальное ведь можно забыть. «Они тут все вчера с гор спустились, обслуга эта, не видишь разве?» Лёльку этот «горский» уровень абсолютно не тревожил. Карина поежилась, вспоминая вчерашний ужин. Их столик обслуживал хорошенький паренек с приглаженными гелем непослушными кудрями. Забирая очередную порцию тарелок, он заученно произносил мягко-гортанное «можно?» и после их ответно-рассеянного «можно», уходя, вполголоса пробормотал: «Можьна... И в зад можьна, и вперьёд можьна...»

Лёлька, издали строившая глазки приглянувшемуся ей подавальщику за длинным столом в другом конце зала, ничего не заметила.

– Да не зацикливайся! Будешь на всё так реагировать, испортишь отдых и себе, и мне!

Карину, до сих пор представлявшую себе турок исключительно по роману «Чалыкушу», терзал когнитивный диссонанс. Когда-то в детстве затрепанный

томик с красивым именем «Решад Нури Гюнтекин» на обложке был ее Библией. Она зачитала книжку до дыр, прежде чем родители вернули «Королька» хозяйкам. А спустя какое-то время на телеэкраны Советского Союза вышел фильм о «птичке певчей» с красоткой Айдан Шенер в главной роли. Карина по привычке отождествляла себя с полюбившейся героиней. Фериде была действительно классная...

Во второй день их возили в город, в хамам. Лёлька, заядлая путешественница уже бывала в турецких банях, она-то и заманила подругу своими настойчивыми рассказами о том, насколько это клёво.

– Как заново родишься, клянусь!

Хамам стал для Карины еще одним культурным шоком. Эти восторженные визги девок в бикини, с коллективными перебежками из одного помещения в другое. Этот хамоватый банщик-азербайджанец, вместе с посетительницами погружившийся в джакузи. Эта несвежая массажистка в пропотевшей старой кофте, с разбегу выразительно потыкавшая пальцем в картонную коробку для чаевых.

– Руски? – спросила она, тяжело наваливаясь и каждым движением подгоняя к носу Карины удушливые волны от своего немытого тела.

– Нет, Казахстан.

– Аа, Ка-за-ки-стаан... А турецки понимаешь?

Карина пожалала плечами. В магазинчике неподалеку от отеля она попробовала объяснить с молоденькой продавщицей в светло-сером хиджабе. Медленно произнесла: «Сізде бес литр су бар ма?», для надежности показав руками размеры пятилитровой баклажки. Продавщица поняла, затараторила в ответ с извиняющимися интонациями. Карина догадалась, что пока пятилитровок нет, но, возможно, будут позже. Эти «мерхаба» и весь набор стандартных словечек из туристического разговорника она, конечно, выучила. И если они медленно говорят простыми словами без выкрутасов, смысл разобрать можно. Карина заметила, что и татарочки-ресепшионистки идут тем же путем. А что? Все мы турки.

– Мы с казахами братья, – рассыпался в дежурных любезностях менеджер отеля, в кабинет которого ее провели.

Его английский был безупречен, как и ладно сидевший костюм. Этот галантный красавец ласковой улыбкой пытался смягчить неловкость, допущенную аниматором.

– Мы никогда не позволим себе неуважительного обращения с нашими гостями. Тем более – из братского Казахстана.

Карина всю эту псевдодипломатическую бодягу пропускала мимо ушей. Братья. Знаем мы таких братьев. Спят и видят свою Османскую империю. Пусть Фиго извинится. И тогда всё будет в порядке. Они бы и ухом не повели, если бы в предварительной беседе с отельным гидом она не показала журналистскую корочку. Им это не понравилось. Карина с её претенциозными возбуждениями нарушала правила игры. Согласно этим неписаным правилам, они, турки, за бесценок предоставляют свою благословенную землю для отдыха. Ну а ты, одинокая женщина, ищущая приключений, приехав из далекой холодной страны, должна быть безмерно благодарна. Конечно, им не хотелось черного пиара. И Фиго извинился. Сначала – в столовой, тихо и без этой его обычной развязности подойдя к их столику. Карина усмехнулась. Что он дурака-то валяет? Китайкой ее дразнил в микрофон, вот пусть так же громко и публично принесет свои извинения.

В глазах аниматора мелькали смешанные чувства. Преобладала там уязвленная гордость. Заловить бы эту «чайну» в тихом месте, намотать ее волосы на кулак... Но менеджер пригрозил ему увольнением. И во время вечернего шоу Фиге скороговоркой произнес-таки слова извинения перед гостями из Казахстана.

– Вечно ты что-нибудь заваришь!

Лёлька демонстрировала недовольство. Зачем эти разборки на отдыхе? Настроение было вконец испорчено ее любимым подавальщиком. «О, my rabbit same», – вполголоса бросил он товарищу, завидев Лёльку на входе в столовку. Она отшутилась: «I may be a rabbit, but I'm not yours». Но противный осадок никуда не исчез. Вот так отдохнули. Зря она потащила с собой Каринку. Та, как старорежимная девственница, шарахалась от каждого улыбающегося ей турка. А они ведь привыкли смотреть на постсоветских туристов, как на легкую добычу. Какого ей здесь уважения надо? Сидела бы дома тогда, блюла себя.

В день отъезда Карина по ошибке зарулила в мужской туалет на первом этаже гостиницы. Менеджер, вдруг сбросивший личину любезности, столкнулся с ней на выходе. Выдавил сквозь зубы и надменно: «Этта мущина туалет».

– Вот уж это мне теперь совершенно всё равно, – фыркнула Карина. – Привет Фиге. От Чайны.

Рена Жуманова – член Союза писателей Казахстана, автор поэтических книг «Подушечка для иголок» (2015), «Сонеты к Шокану» (2017), «Стекловата» (2020). Окончила дистанционные курсы литературного мастерства Андрея Воронцова, руководителя семинара прозы ВЛК при Литинституте им. Горького, а также онлайн-курс школы писательского мастерства CWS Майи Кучерской. Инициатор открытия постоянной экспозиции Анастасии Цветаевой в Музее истории города и организатор цветаевских костров в Кокшетау (2017, 2018, 2019). Автор ряда публикаций об Анастасии Цветаевой. Основатель и руководитель открытого литературного клуба «ВООКРАnas». Обладатель диплома «За верность русскому слову» и памятной медали Московской городской организации Союза писателей-переводчиков. Лауреат VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира» (г. Минск). Стихи и рассказы публиковались в журнале «Кокшетау», Санкт-петербургских альманахах «Огни гавани» и «Параллели судеб», журнале «Простор», российской «Литературной газете», альманахе «Казахстан – Россия», журнале «Литературный Кыргызстан», поэтической антологии «Вечная страна моя», альманахе «Балтика» (г. Калининград), альманахе «Память» (г. Москва). Живет в Кокшетау.

